

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ОЛЬГА ШВЕЦОВА
ШАМИЛЬ АЛТАМИРОВ

ЯЩИК ПАНДОРЫ

FUTURE CORP.

18+

Метро

Ольга Швецова

Метро 2035: Ящик Пандоры

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Швецова О.

Метро 2035: Ящик Пандоры / О. Швецова — «АСТ»,
2018 — (Метро)

ISBN 978-5-17-109655-7

Макс Белявский, по кличке Адвокат, жил простой жизнью китайгородского «братка» – вышибал долги, выбивал зубы и заботился о младшей сестре. Но однажды в его руки попадает таинственная записка – обрывок секретного документа. И судьба Белявского разделяется на «до» и «после». Старые тайны и незавершенные дела отца вдруг дают о себе знать через два десятка лет. Появляется враг – могущественный и таинственный Полис, кшатрии и брамины. А само существование московского метро теперь оказывается в руках Максима. Ведь информация – это власть. Власть над миром...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109655-7

© Швецова О., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Шамиль Алтамиров, Ольга Швецова

Метро 2035

Ящик Пандоры

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

© Глуховский Д. А., 2018

© Алтамиров Ш. Р., 2018

© Швецова О. С., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

Глава 1

Шорохи в туннеле

По потолку лениво двигались тени, складываясь в причудливые фигуры. Максим просто бездумно смотрел на них, попробовал пошевелиться, и голова тут же отозвалась гудящей болью. Зачем он так напился вчера? Грубо толкнули в бок. Макс попытался сесть, держась за затылок, как будто горячая ладонь могла стать средством от похмелья.

– Ты че, изюбр малолетний, совсем рамсы попутал? – недовольно прохрипел из темноты Катала. – Вы меня, законника, здесь за шестерку что ли держите? Сами нажрались, а я службу должен тащить за всех? Я вам не добренький бугор, враз всем очки поразвальцую!

Но даже грозный голос старшего не заставил полностью прийти в себя. Да и вообще, за что сразу очки-то? Кто здесь ранним утром ходит? Максим с силой потер уши – говорят, помогает. Оказалось – брехня.

– Сейчас все у меня тут штаны наденете шириной назад! – не унимался Катала. – Заступай на место этого залетного, Коляна, а им я сейчас лично займусь, да так, что про свои именины вчерашние вообще забудет. – Роман Евгеньевич гневно посматривал на похмельный молодняк, едва сдерживаясь, чтобы не заорать всерьез – чего доброго, на станции тревогу объявят не разобравшись. Его шестьдесят семь не впустую прожитых лет давали ему право осуждать или одобрять поступки бойцов, старшим среди них он был не только по должности. За молодыми «быками» надо приглядывать: один норовит бесплатно народ на станцию пропустить, у другого патроны так и прилипают к карманам, вместо того чтобы попадать в общак. Напрасдновались, шобла этакая...

Максим поплескал в лицо из фляжки, сделал длинный глоток. Теплая, явно отдающая тиной вода шершавой волной скользнула по глотке и ухнула куда-то вглубь потрохов – легче не стало. Жажда все так же сушила, вдобавок жгучий ком подступил к горлу, хотелось блевать.

– Хур-р... – Максим с трудом проглотил ком, при авторитете блевать никак нельзя, не по-пацански. Настоящий вор-законник Катала был сегодня еще как-то слишком благодушно настроен, видно, самому от смотрящего не влетело, дела шли хорошо. – Блин, че ж я так нажрался?.. Евгеньич, сколько мы вчера усосали-то?

– Вот мне дела нету, за оленями бухло подсчитывать! Хошь, пузо вскроем и позырим? До хера выпили! Колян сидор с бормотухой еле допер, хоть и здоровый, кабан. А ты, Макс, в другой раз считай до трех стопок, не ошибешься, – старший заглянул в ящик, увидел, что гуляки и харч пожрать успели, и брови его полезли на лоб: – Не, ну нормально, а? Я что вам, еще опохмел с закусоном должен поставлять? Или от Треугольника дачку ждете? Я вам ваши макли здесь прикрою...

Старик повернул голову, глянул на вконец позеленевшее лицо Макса, потом прислушался и хмыкнул:

– О, подфартило тебе, фраерок, – котенок твой шлепает. Значит, без закусона не останешься, факт... Да приведи ты себя в порядок, а то на рожу опухшую смотреть тошно!

При мысли о еде колючий ком снова недовольно зашевелился в желудке. Сначала в темноте перехода Максим увидел два зеленых огонька, чуть пляшущие в такт шагам, потом на свет показалась вся девчонка целиком, глаза у нее светились в темноте то зеленым, то красным, как у кошки. Ему даже нравилась эта особенность, правда, увидеть такое ночью в темноте палатки – или обосраться или за волюну хвататься. Хотя он привык.

– Поесть принесла, – Сима, косо глянув на страдальческую физиономию Макса, шмыгнула конопатым носом, поправила россыпь бронзово-рыжих косичек и принялась раскладывать порции сухпайка на чистые тряпочки, над третьей замешкалась: Колян, уронив голову

на импровизированный стол, сопел, пуская сопливые пузыри, и признаков активной жизни не подавал. Роман Евгеньевич едва заметно махнул рукой: клади, мол, потом сами разберемся. Максим попытался поймать убегающий взгляд на тонком лице сестры.

– Роман Евгеньевич, расскажите что-нибудь. – Она присела на мешок, обхватив руками колени, приготовившись слушать очередную историю о мире, которого не видела и никогда не увидит, Максим и сам был не прочь послушать байки старого крупье, когда тот расщедрился на рассказ. Сейчас Евгенич расслабился, а если и собирался их строить, после отстучавшись о нарушении пахану, то явно дождется пробуждения Коляна. Чтобы оптом окутить, да не при девчонке. К Симке-живчику даже Катала относился снисходительно, у самого-то вора ни семьи, ни детей по закону не бывает.

– Вот пришел к нам как-то один фраер с вот такенной котлетой зелени, – старик перешел на жаргон, но молодежь отлично его понимала: на Китай-городе, давно уже стерлась разница между прибалтненными и настоящими бывалыми уголовниками. А карточным терминам Катала их обучил только для того, чтобы можно было отдохнуть душой хоть четверть часа, и никто не переспрашивал бы, что значит то и это. – Садится он, значит, на блэк-джек...

Максим понимающе кивнул: играть в «очко» старик его давно научил, потом постепенно приобщал и к покеру, но все-таки парень предпочитал подкидного дурака, на что Роман Евгеньевич обижался – ему нужен был партнер для более интересных карточных игр. Теперь легко было заглянуть в прозрачные голубые глаза: Сима отбросила косички назад, слушая рассказ о подпольном казино, как в детстве сказку о Дюймовочке, затаив дыхание, все же не веря, что в карты можно играть не на патроны, не на оружие и не на «слабо сто шагов без автомата в туннель пройти».

– Поставил клиент последнее, а у него, чувствую, перебор будет... – хрипел разводящий, азартно махая руками, но перед самым концом истории решил взять актерскую паузу.

– Евгенич, ну, не тяни kota за яйца! Вот все время так... – Пискнула нетерпеливо Симка. Максим даже нашел силы улыбнуться: ершистая девчонка своей феней могла умыть и Коляна, и его, кроме разве что самого бывшего Каталы, выглядело это смешно, хотя ей самой так не казалось. Пятнадцатилетняя сестренка изо всех сил хотела казаться взрослой, а выглядела на самом деле сущим хулиганистым пацаненком.

Вдруг она повернула голову в сторону, насторожившись. Из туннеля раздался еле слышимый стон, Максим подскочил, хватаясь за автомат, девочка сначала съежилась от страха, потом рванула в темноту, опередив его.

– Серафима! Стой, дура! – Максим схватил тихо пискнувшую девчушку за плечо, откидывая себе за спину. – Евгенич, подстрахуй!

И, дослав патрон, прижал «ксюху» к плечу, выцеливая туннель. Свет лампы отвоевывал только метров тридцать, а дальше – тьма. Евгенич, побряхтывая, нацепил каску и устроил стволы дробовика поверх мешков с песком.

Макс вышел из-за импровизированной баррикады, преграждавшей свободный проход, и, прижимаясь к ребрам тюбингов, шагнул в туннель. Стон повторился. Мутант? Все может быть. Правда, откуда здесь ему взяться? Это закрытый участок пути, соединявший две станции...

– Эй, покажись, а то шмальну!

Щелкнул выстрел, над головой Максима, противно взвизгнув, сыпануло искрами. Проектор, зашипев, погас. Отскочив в сторону, он выпустил длинную очередь поперек туннеля. За спиной хлопнул дробовик. В ответ из темноты застучал автомат, кто-то вскрикнул. Ушибленное при падении плечо стрельнуло болью, Макс, скрипнув зубом, улегся за рельс:

– Н-ну, суки... – Он выставил автомат над рельсом и выпустил очередь, перечеркивая темноту туннеля из стороны в сторону.

За спиной послышался тревожный гомон, по бурым стенам заплясали блики фонарей – со станции на выстрелы спешила подмога. Максим сменил магазин и приподнялся, вглядыва-

ясь в темноту. Гулко отражаясь от чугунных стен, слышались удаляющиеся шаги, кто-то убегал. Он встал и, прижимая автомат, двинулся вперед. Опережая его, рыжим пятном пронеслась Сима.

– Куда?! – но ее уже было не остановить. Макс кинулся следом.

Девчонка уже тащила к посту какой-то бесформенный ком тряпок, при ближайшем рассмотрении оказавшийся раненым человеком, и не подстреленным, а с разбитой сильным ударом головой. Максим и Роман Евгеньевич подхватили его, донесли до костра, уложили на землю, подстелив теплую куртку. Длинные седые волосы раненого соскользнули вниз, открыв татуировку на виске: раскрытую книгу.

– Надо бы доложить, Адвокат... – Роман Евгеньевич посмотрел на Максима, державшего на прицеле темный зев туннеля; нет, не понимает он, кого обнаружил, брякнет первому попавшемуся: а мы брамина на пост притащили... – Оставайтесь с ним, я сам схожу на станцию.

Закинув двустволку на плечо, он, не оглядываясь, быстро потрусил на свет к платформе, громкий храп Николая заглушал шаги.

Максим, все еще держа автомат наготове, поглядывал в лицо брамина, все-таки на Китай-городе не дикари какие, он и в Полисе жил, правда, тогда он еще не обрел этого звучного названия... Но больше чем на одну станцию им теперь уходить запрещено, он знал точно. Сима в этих тонкостях не разбиралась, для нее эта странная татуировка была чем-то невиданным.

– Это какая ж группировка такие знаки ставит? Вроде он не из новокузнецкого Треугольника... И на шаболовских не похоже. – Она наклонилась поближе, чтобы рассмотреть новый рисунок, ничем не напоминающий привычные синие татуированные перстни на пальцах или клыкастые мутантские морды – порождение не природы, а скорее нездоровой фантазии художника.

– Сим, не пацанская татуировка-то, не видишь, что ли?

Любопытство не мешало девушке прижимать тряпку к ране. Лицо брамина было серым нитом от боли, нитом от потери крови, он изредка открывал глаза, но не понимал, где находится.

– Отец, ты как здесь оказался, кто напал-то, видел? – Максим склонился над стариком, хоть и не рассчитывал услышать ответ, но раненый вдруг крепко ухватил его за рукав и притянул поближе.

– Только патроны взяли... Этого не нашли, – за плечом Максима он увидел расширенные от любопытства глаза Серафимы, – девчонке нельзя, любопытная... Как Пандора... – Пальцы разжались, брамин продолжал еще что-то говорить, но Максим не мог больше разобрать слова, да и последнее больше напоминало бред. – Возьми. Надо было раньше... В огонь его. Чтобы никому... – у брамина не хватало сил говорить, он только смог вытащить из-под одежды клочок бумаги. Максим вынул из судорожно сжатых пальцев обрывок, убрал в карман, Сима следила за ним.

– А что такое «пандора»? – она склонила голову, косички живописно съехали набок, но Максим теперь смотрел только на раненого.

– Да не знаю я! У Евгенича спроси, – он потер ушибленное плечо.

У Макса голова лопалась от вопросов. Только вот задать их некому. Что делать с бумажным обрывком? Вроде, инструкции были даны простые: сжечь и никому не показывать. А самому посмотреть нельзя, что ли? Этого вроде никто не запретил, да и послушанием он с раннего детства не отличался.

– Ой, там цифры какие-то! – Серафима видела в темноте намного лучше и сумела что-то прочесть в неровном трепещущем свете костра.

– Сказано же было – никому! – чтобы без помех разглядывать потертую бумагу, Максим шутя прихватил Симу согнутой в локте рукой за шею, слабые удары девичьих кулачков посыпались на него, но читать не мешали. Он ничего не понял, что же тут особенного, буквы,

цифры, «в/ч» какие-то... Верх листа оторван, внизу должность, фамилия и выпетшая синяя закорючка подписи. Почему это непременно надо было сжечь?

– Ты чего делаешь, Адвокат?! У вас тут, говорят, мужик помирает, а он у бесчувственного тела с девчонкой игры устроил!

Отвечать Шныре означало бы вызвать на свою голову не просто поток, а водопад красноречия, вот только отвечать достойно Максим так и не научился. Поэтому и заслужил такое погоняло – Адвокат, – в противоположность привычкам, за сильную нелюбовь к пустой трескотне и немногословие. Про себя выругавшись на странный выбор помощника Романом Евгеньевичем, он решил, что не настолько уж старший по посту и неправ. В некоторых случаях Шныря оказывался поразительно неболтлив, вот и сейчас быстро сник под суровым взглядом начальника и молча взялся за ноги раненого брамина. Впрочем, запрет на обсуждение не касался мирно спящего Коляна, поэтому над вторым «бесчувственным телом» остряк изощрялся еще долго, пока его голос не заглох вдалеке.

Никто не разрешал покидать пост, Максим сел рядом с упившимся напарником, задумавшись. Серафиме больше нечего было делать в туннеле, но и уходить ей не хотелось. Просто разглядывала из темноты лицо брата, такое серьезное: о чем же он думал сейчас? Опять об отце? Отвлечь бы его, погладить по щеке, сесть поближе, на станции она бы не решилась на такое. Но сейчас что-то останавливало, Максим не выглядел печальным. Значит, незачем вмешиваться, ее помощь сейчас не нужна. Но смотреть на него никто не запретит. Так хотелось погладить пальцем складочку на лбу брата, видимо, появившуюся от каких-то серьезных мыслей...

Брамин не выжил. Максиму покоя не давали сомнения: знает ли еще кто-нибудь, кроме него и Серафимы, о странной бумажке. Шныря, сидевший напротив, протянул помятую фляжку:

– Помянем? Жаль старикана, но уж слишком долго полз. Доктор наш, сам знаешь, тот еще лепила, хотя тут и Склифосовский бы не помог.

От запаха спиртного Максима сейчас мутило, он оттолкнул бы руку Шныри, но надо было задать ему еще пару вопросов. Не вышло.

– И старший ваш, Катала, просил передать: не болтай. Дольше проживешь.

Да, Роман Евгеньевич строго запретил рассказывать кому-либо подробности, но Максим, промучившись полдня догадками и смутными воспоминаниями, спросил его самого:

– Что такое «пандора»?

– Где ты это слышал? – тот насторожился.

– Сима спрашивала, – он даже не моргнул, чистая правда.

– Нечего вам про это знать. А тебе с похмелья чего только не померещится.

Вряд ли померещилось, он определенно слышал это слово, да и Симка переспросила, она-то похмельем не страдала, что за секрет? Роман Евгеньевич скрылся за дверью пахана. Если бы можно было только узнать, о чем они там с Королем говорили! Бумагу-то Максим взял без спросу, оставил себе и не выполнил просьбы. Надо бы еще раз рассмотреть ее повнимательнее.

* * *

Смотрящий сидел за столом, задумчиво гоня карандаш по его поверхности. Дохлый брамин даже для Китай-города событие из ряда вон выходящее. Теперь придется просчитать возможные последствия и, скорее всего, проблемы, потому что пользы от загадочного трупика не было никакой.

– С Третьяковской приходили. Парни шмалять начали, шум на весь туннель, до Учителя дело дошло, гонца прислал, спрашивает, что за беспредел творится.

– Глохни, Катала! – смотрящий поморщился, – говори по-человечески, без блатной музыки, дай хоть в своем кабинете начальником себя почувствовать, а не бугром каким. Спектакль этот будешь за дверью играть. А тут...

– Сергей Михайлович, но ведь делать что-то надо! – бывший крупье опять упустил из виду, что начальник станции вовсе не бывший уголовник. А жаргон – это так, для молодых, укрепить корпоративный дух, как смотрящий говорит. Умирает искусство, будто иностранный язык учат, не живут по настоящим понятиям.

– А что делать-то?! Маляву ему объяснительную отписать или как? Если говорит, что из его братвы все целы... Ну и если не врет, конечно. Понятно, что беспределышки шуруют, причем у нас обоих прямо под носом. Зачистить бы там еще разок туннель для профилактики, как, Роман?

– А не перебдел, Король? С зачисткой-то?

– Ну, парни неплохо начали. Точнее, начал. Толк есть только от тебя да от Макса, остальные или за баррикадой отсилятся или обратно побегут, пока шкуры не продырявили. Где взять бойцов, чтоб темноты не боялись, Роман Евгенич? – Корольков вздохнул. Бойцы имелись, только почему-то на блокпост не рвались.

– А ты сбор за вход побольше сделай, – Катала сцепил руки на пузе, усевшись поудобнее.

– Чтобы мы вообще без прибыли остались? Через Ганзу дешевле станет проходить – общак опустеет.

– Можно подумать, общак от трех патронов пополняется! – ухмыльнулся старый крупье. – Тебе ли не знать?

– Я пока знаю, что на нас кто-то наехал. Работать на моей территории и без моего разрешения... Хер им на оба дышла! – рявкнул Король, так засадив кулаком по столу, что карандаш щепками разлетелся по сторонам.

– Погоди с зачисткой все-таки, и с Учителем надо бы стрелку забить, посидите, дела порешаете. Кровь на стене и на полу есть... А жмура нет, – засуетился Катала, осторожно подбирая слова.

Король встал, прошел в угол комнаты и открыл дверцу металлического шкафа, дернув за ключ в качестве ручки, внутри стоял стакан и несколько бутылок. На вопросительный взгляд помощника отмахнулся:

– Обойдешься. Сначала дело, – себе налил на донышко и выпил одним глотком. Снова звякнула дверца, закрываясь. – Есть жмур. И вот с ним что-то надо делать... Припрятать недолго, никто не найдет, но вот если все-таки начнут искать?

– Если узнают, что брамин тут копыта откинул, предъява будет от Полиса нешуточная!

Король мрачно поглядывал на своего давнего товарища, соглашаясь.

– А насчет Полиса это правильно мыслишь, только где ты видел в Полисе таких оборванцев?

– Так он, небось, сколько по перегонам шлялся, поиздержался по дороге. В карманах пусто. Да и я так думаю: ограбили его тут где-то.

– Главное, не у нас. Только разбираться никто не будет. Вот что... – Сергей Михайлович Корольков выпрямился на стуле. – Надо человечка отправить на Третьяковскую, и пусть он аккуратно расспросит, не оттуда ли взялся брамин. А чтобы лишних в дело не посвящать, парня с поста пошлешь.

– Шнырю лучше, – Роман Евгеньевич не боялся спорить, а общительный Шныря уже был в курсе проблемы. Представить себе Максима в роли засланного шпиона – это ж чистый анекдот! Партизан из него хороший получится, а не шпион.

– Шныря твой – трепло. А Макс там хоть лишнего не расскажет.

– Кстати, почему этого парня на посту держим? Из него бойца давно пора делать, а он сидит в туннеле, как пограничный столб, или дань с торгашей собирает.

– Я тебе тут отчитываться должен?! – снова вспыхнул Король. – Ты ничего не попутал, советчик?

И уже успокоившись, добавил:

– Мы с тобой, прежде всего, как управленцы, должны грамотно использовать то, что имеем. Людей у нас мало, – Роман Евгеньевич оглянулся на дверь, за которой гудела такая толпа, что шум проникал даже в кабинет начальника станции. – Людей, повторяю, мало. А шушеры даже слишком много. Береги людей, Роман, не ломай почем зря. Этот парень хорошо работает, когда понимает, что делает и зачем. Общак и сборы – этим станция живет, это ему понятно. И будет он с лоточников все до последнего патрона собирать. Или выбивать. Потому что пользу видит. И сейчас пойдет на Третьяковку, потому что дело чистое. А грязную работу делать – тут и у твоего Шныри ума хватит. Только не ерзай мне тут на стуле в знак протеста, сидушку протрешь. К твоим блатным даже я боюсь спиной повернуться, а правильные ребята всегда пригодятся. Пользуйся ресурсами с толком, дубина! И зови сюда Макса.

* * *

Окончив дежурство в туннеле и сдав сменщику автомат, Макс перед отдыхом решил пройтись по барыгам и собрать мзду на общак, что давно следовало сделать, да все откладывал. Станция проходная, здесь всегда много пришлых и прохожих, полно торгашей, везущих чего-то и куда-то, потому значительная часть станции представляла собой рынок, а скорее просто базар. Но торговали в основном необходимой мелочевкой и, главное, жратвой.

Макс шел по пропахшему едой и одновременно гнильем гулкому от гомона покупателей и крикам зазывал туннелю мимо лотков, где сразу же при клиенте жарилось и парилось разное. Тетка Клава в туго натянутом серо-буром от грязи переднике, уперев левую руку в ребристый, как чугунная батарея, бок, правой рукой ворошила шкворчащие на прогоркшем масле куски крысятны с грибами. Завидев Макса, тут же призывно замахала шумовкой, разбрызгивая кипящий жир на прохожих, запричитала:

– Максимушка, кушать поди хочешь, вона исхудал как! Тебе с собой положить? – улыбнулась во все три зуба – один сверху и два снизу – толстая повариха.

– Не-е, – скривился Макс, – днюху Коляна праздновали... не до еды. Спасибо, тетя Клав.

Тетка Клавдия по прозвищу Гермодверь к ним с Серафимой после смерти отца всегда как-то с заботой относилась, накормить-приодеть всегда пыталась. А прозвище такое заработала то ли из-за странно отгнивших зубов, то ли из-за толпы мужиков, через нее прошедших, точно Макс Белявский не знал. Да ему и неважно было. Помня ее добро, Адвокат по возможности и в благодарность то скидку с налога устроит, то и вовсе дани с нее не возьмет, а нагрузит на лишний патрон других барыг, добром нужно платить за добро, и злом вдвойне на зло – это он выучил крепко.

Проходя мимо огромных прокопченных чанов с булькающим густым супом с плавающими темно-синими кусками картошки, Адвокат унюхал сладковатый, чуть тягучий, тающий во рту аромат шипящих и капающих жиром кусков мяса на углях.

– Ай, Максим-афянде, падхади дарагой, баряшек кюшать будем! – ощерился золотыми фиксами под породистым носом и крысиными усами верзила-шашлычник. Белявскому есть не хотелось от слова совсем, но перед жаровней все же остановился, подозрительно разглядывая уж больно жирное мясо.

– Баймурза, а барашек-то мутантский у тебя, – хохотнул Макс, – хрюкал перед смертью!

– Ти што! – уязвленный в самое сердце вскинулся двухметровый татарин, – мамой клянись, барашек – чистый халяль!

– Ну-ну, – усмехнувшись в кристально честные глаза шашлычника, Максим отправился дальше.

– Максим, а ти што на бой сматрэт? Я вот работа Саиду сдам и пойду.

– Бой? А, точно! – вспомнил Максим, совсем он с этим брамином забыл про кулачный поединок.

– Бывай, Баймурза, – обойдя лоток с точильщиком ножей и покинув рынок, он свернул из основного тоннеля в небольшое техническое ответвление, где уже издали слышались азартный гомон зрителей и хлесткие удары.

Арена – сжатое с боков помещение, сбойка, соединявшая основной туннель ветки метро с вентиляционным. Под два десятка человек, облепив решетки, активно наблюдали мордобой, сопровождая особенно смачные удары громкими возгласами. Макс протолкался поближе к арене, дрались Сашка Еж и какой-то залетный дрыщ. Сашку Макс знал: из местных, крепкий пацан, рослый. А второй, несмотря на худобу, обладал длинными руками и на близкую дистанцию Ежа не подпускал.

– Давно машутся? – Макс поинтересовался у ближайшего зрителя в фуфайке на голое тело.

– Да минут пять как.

«Солидно», – решил Белявский, глядя как Еж теснит дрыща к клетке, активно выбрасывая правую руку и тут же срабатывая «двоечкой», правда, долговязый будто просчитывал маневр заранее и отбивал все удары. Сашка Еж вдруг выкинул лоуик, отсушив долговязому правую ногу, тот, было, уже потерял равновесие, как тут же ударил длиннющей рукой Ежу по ребрам. Толпа взвыла, кто от удовольствия, а кто и крыл матом рукожопу Ежа и сделанную на него ставку.

Макс пошарил в кармане, выудив на свет пяток «семерки», поискал горластого зазывалу с пачкой бумажек-квитанций, но передумал делать ставку:

«А вдруг просру?» – легких денег у Белявского как-то не случалось. Да и было в сегодняшнем бое что-то не так, бойцы дрались уже довольно долго, и каждый успел уже прощупать соперника. Чуйка подсказывала, что этот балет закончится херней, и точно!

После короткого катания по бетонному полу бойцы разошлись в разные углы, Еж устремился на дрыща, то ли с разбега хотел засандалить ногой в живот, то ли удар с разворота – непонятно, запнулся на ровном месте и напоролся точнехонько мордой на кулак! На секунду повисла тишина, а затем разгневанные проигрышем зрители стали трясти решетки, чтобы самолично распечатать для безуспешно пытающегося подняться с пола Ежа свежий бочонок звездюлей. Включилась охрана ринга, и всех разогнала дубинками.

Макс порадовался, что не сделал ставки на бой, один хрен он бы не собирался ставить на залетного дрыща и сто процентов проиграл бы. И заодно решил провентилировать идею: а не крысятничает ли под носом Короля господин Еж? Такое спускать нельзя.

Вернувшись обратно на станцию, прислушиваясь попутно, о чем говорят люди, а говорили в основном про бой, Макс дошел до брезентовой палатки над которой красовалась странная масляная лампа на семь огоньков и здоровенный, явно под мутанта сшитый, башмак. Макс постучал, откинул полог и вошел, в нос тут же ударил тяжелый дух дубленой кожи, нестираных носков, воска и топленого жира.

– Здравствуйте, Соломон Моисеевич.

– И вам не хворать, Максим, – старик с абсолютно белой головой поднял взгляд за толстыми стеклами очков на гостя. – Как ваше здоровье, как дела у вашей девочки?

– Да все в порядке...

– Может, чаю? – предложил старик, умудряясь одновременно прошивать чей-то ботинок закрепленный на колодке и говорить.

– Не, мы тут праздновали... не стоит.

– Аа-а, понимаю, сам был молод. Давно. Но вы не пришли к старику просто так, верно? – хитро прищурился дед, проталкивая толстую нитку через три слоя свиной кожи и поддевая петлю шилом.

– Есть такое. Про бой слышали?

– Такому старику, как я, только и остается как слушать, что говорят другие.

– Есть мнение, что Сашка Еж лег. Можете разузнать?

– Молодой человек, если старый одессит что и может, так это разузнать, – лукаво усмехнулся башмачник, ловко скрутив хитрый узел и сплавив концы толстой капроновой нити над свечой, – я отправлю к вам Изю.

Максим вышел от башмачника уверенный, что старик не подведет, ведь Соломон Моисеевич не только лучший башмачник, но и тот еще шпион со своей миниармией из сирот и беспризорников, которых он подбирает и воспитывает как своих детей.

Насвистывая мотивчик блатной песенки, Адвокат уверенно направился к заведению с размазаванной вывеской на входе «Бар у Мойши».

Заведение, конечно, так себе. Уже с порога бар встретил Максима ядреной смесью свежего перегара и несвежей блевоты. Источник последней, кстати, лежал в собственной луже чуть в стороне от выхода и счастливо пускал ртом пузыри на каждом выдохе. Белявский скривился, смерил взглядом вышибал – братьев Щербатого и Молотка, подпиравших стены чуть поодаль, и шагнул к распиленной повдоль лакированной дверце шифоньера, заменявшей барную стойку.

Даже по меркам метро здесь было темно, и пара масляных ламп, чадающих и плюющихся искрами под самым потолком, проблемы не решали. Народу собралось немного, трое явно не местных типов, воровато поглядывая на Максима, о чем-то перешептывались, зачерпывая ложками из стоящей посреди стола сковородки, самый тощий из них при этом громко чавкал. Остальные четыре столика – катушки от кабеля – сиротливо ютились в дальнем углу.

– Ой-вэй, Максимчик, я-таки гад вас лицезгеть! – коверкая слова, бармен, и по совместительству хозяин гадюшника, поправив безрукавку, придвинулся к стойке. – Вам таки налить? За счот заведения естественно. И, кстати, таки имею до вас – почти начальника – дело. Вас интегесует?

Перед Максимом из воздуха появился граненый почти чистый, но отколотый с одного боку, стакан, наполненный чем-то желтовато-мутным едва ли на доньшке – тараканам на опохмел и то не хватит. Перебивая окружающую вонь, в нос остро пахнуло грибной сивухой.

Этот бар Адвокат откровенно не любил, и дело вовсе не в том, что место уж больно мутное – пьяных здесь частенько обирали, и ходили слухи, что обирали насмерть, – и не из-за того, что эта рыгаловка самая дешевая из всех дешевых, так как и без того дурное пойло разбавляли безбожно. Нет. Просто хозяин был полнейшей гнидой. И сейчас, делая вид, будто Максим пришел за просто так, эта сволочь, косящая под еврея, как всегда ломает комедию вместо того, чтобы *просто* заплатить.

– Мойша, патроны гони. Король не любит должников.

– Я вам заявляю, что ви таки точно антисемит! Отбираете у бедного евгея его скогбные деньги, пускаете голодных детишек по мигу... – заливался притворными слезами хозяин, вскидывая длинные костистые руки, трясая приклеенными пейсами на вполне рязанском курносо-конопатом лице. А над Максом тем временем нависла глыба Щербатого, одного из братьев-громил.

Макса Белявского по кличке Адвокат жизнь научила всегда бить первым. Не раздумывать, а надо ли, не мять яйца, взвешивая все за и против, просто бить. Иначе будут бить уже его самого, ногами и насмерть.

Сивуха вместе со стаканом полетела в лицо Мойши, удачно попав в глаза. Макс присел, пропуская над головой пудовый кулачище вышибалы, и не глядя ударил согнутой рукой

назад – локтем в пах. Сдавленный вдох и восклицание Щербатого «сука по яйцам!» подтвердили попадание. Справа загомонили, вскакивая с мест, трое мутных посетителей. Затопал от дальней стены второй вышибала. Верный кастет, будто живой, перетек из рукава, пальцы привычно скользнули в собственноручно проточенные отверстия. Спокойная тяжесть стали приятно отдавала теплом в правый кулак.

Макс вскочил из приседа пружиной, отправив двухметрового верзилу в полет коротким хуком в челюсть левой – грохот упавшего «шкафа» Белявского уже не беспокоил. Сбоку что-то вякал Мойша, протирая тряпкой глаза. Второй вышибала с рыком кинулся вперед.

Быть большим и тяжелым хорошо против таких же больших и тяжелых. Но Белявский оказался мельче, ловчее и легче, потому летящую тушу Молотка с выставленным для удара кулаком он пропустил мимо, просто шагнув в сторону, и догнал кастетом в затылок с правой. Труп с разmozженной головой по инерции проломил хлипкую стойку и со звоном бьющихся бутылок повалился за прилавок. Макс стрельнул взглядом по сторонам, давешняя троица выпивох, готовая к драке, скучковалась в углу, выставив ножи и заточки.

– Пшли на хер, – сквозь зубы бросил Макс, кивнув на выход. Пришлые оказались не дураками и последовали по адресу. Проконтролировав валяющегося в отрубе верзилу пинком по ребрам, Белявский оглядел помещение – мало ли – и, щербато улыбнувшись, вытянул из-за стойки причитающего Мойшу.

– Ну, сучара пархатая, думал мордovorотов на Адвоката напустить, да?

Бармен, прикинувшийся тряпкой, вдруг встрепенулся и ткнул, метя в грудь, длинным ржавым ножом, который Макс отбил в сторону, от души приложив Мойшу кастетом в живот.

– Зря, Мойша. Зря. Утюгу глянулась твоя рыгaловка. Ты помнишь Утюга Азарова?

– Д-да, помню, – держась за живот, сдавленно проблеял бармен. – Но у меня нет денег, нет патронов! – больше не коверкая слова, как прежде, выпалил хозяин.

– Ты сколько патронов Королю задолжал, полсотни? Это много. И это неуважение к пахану. Мой... хотя какой ты Мойша? Миша, ты знаешь, были еще до войны такие братки, «Якудза» назывались. Ты старше меня, должен помнить. Так вот, за каждый косяк перед ихним паханом, браток в качестве извинений, ну и чтоб авторитет перед пацанами удержать, палец себе отрезал. За косяк по пальцу. Сечешь, пархатый?

– Н-не... ненада! – дернулся Михаил, но тут же захлюпал разбитым в кровь носом и шлепнулся на лежащего в проходе Молотка.

– Надо, Миша. Надо. – Максим положил оставшийся кусок дверцы от шифоньера на место стойки, вытянул визжащего, как свинья, Мишу поперек, выпростав его руку из засаленной рубашки.

– Ты ж не японец, ты под еврея косишь, потому сделаю скидку, отрезать не буду, – пояснял Макс, снова надевая кастет. – У тебя же нет пятидесяти пальцев, нет ведь? Ну во-от, – заключил Белявский и с размаху опустил кулак, разmozжив кастетом мизинец бармена. Мойша истошно завопил, дернулся всем телом, скользнув обратно за стойку, увлекая Макса за собой, но Адвокат, вцепившись в уже искренне раскаявшегося должника, вывернул окровавленную руку обратно.

– Нет, я все отдам. Скажи Королю, я отдам! – задышался от боли Мойша-Михаил.

– Один палец за десять патронов, проценты. Понимаешь? – Макс снова замахнулся для удара теперь уже по безымянному пальцу.

– Не-ненада! – заголосил бармен, вырывая руку.

– Максимка, а ты чего?.. Зачем так?! – увлекшись, Белявский не заметил, как в бар вошла сестра, вечно шнырявшая за ним рыжим хвостом.

– Симка, – выпалил он, не оборачиваясь, – я работаю. Уйди.

– Ему же больно! – скривилась девушка, глядя через стойку на баюкающего руку бармена. – И не правильно... вот так. Максим, пойдем, – Сима, держа в правой руке тонкую спицу

с куском зажаренного мяса, потянула брата к выходу. – Катала сказал, что тебя Король зовет. Пошли.

* * *

– Ну, кого застрелил-то, снайпер? Рефлексы в норме, в тебя шмаляют – отвечай! – над своей же шуткой рассмеялся пахан.

– Не видел, – Макс сидел перед Королем, не поднимал глаз, явно не от стыда за содеянное. А от неуверенности, добил ли в темноте, да и кого, собственно, и сам не знал.

Сергея Михайловича по кличке Король Максим никогда не боялся, но сейчас в его кабинете, сам не зная почему, чувствовал себя виноватым, будто и за ним косяк. За свои поступки – в чем бы они ни заключались – надо отвечать, так отец учил. Значит, правильно. Но смотрящий начал разговор совсем с другого конца.

– Пойдешь на Третьяковку, требуется аккуратно разузнать, что слышали там о покойнике нашем. Понял задачу, Адвокат? Вопросы задавать – самому не отвечать. Справишься?

Странный вопрос: если Король дал задание, оспорить его нельзя. Тем более рядовому бойцу обсуждать-обдумывать решение пахана по рангу не положено. Так что это «справишься» совсем не вопрос. Приказ.

– Слушаюсь, Сергей Михайлович.

Сам же Макс подумал: «Легко сказать: разузнай!»

Но придется выполнять приказ, тем более что самому хотелось разобраться в этой истории ничуть не меньше, чем смотрящему. Карман буквально жгла загадочная и непонятная бумажка, отданная умирающим брамином. Вслух же Макс спросил:

– А что спрашивать-то? Конкретнее бы.

– Все, что люди расскажут: что брамин там делал, куда идти собирался. Брамин – человек заметный, как и фраер с полной сумкой патронов, про такого обязательно кто-то слышал, что-то видел. Грабнули его в перегоне – это и ежу понятно. Со станции он, поди, целехонек ушел. Хотя думаю, что скорее с Кузнецкого старик приперся, чем с Новокузнецкой... Но начни оттуда. А вот если и там ничего не узнаешь – пойдешь дальше. Короче, я хочу отследить весь путь этого лохматого и расписного, от самого Полиса. Понятно излагаю?

«Полис. Возможность попасть туда, узнать про отца, да не просто так, а с заданием от пахана – это же полный карт-бланш!» – сердце в груди Максима забилося от нахлынувших эмоций.

– Про отца разузнать хочешь? – будто прочитав мысли, Король огорошил вопросом. Максим боялся спросить, чувствовал, что может сейчас услышать что-то новое, но как найти верные слова?

– Вы ведь с Боровицкой пришли? – продолжил Сергей Михайлович, покачиваясь на стуле.

– Да. – Хотя Макс плохо помнил, вроде, после Боровицкой и еще где-то бродили.

А смотрящий хозяйственно хранил в памяти все, поэтому и занимал свое место достаточно долго. Король встал из-за стола и, не глядя на Макса, стал прогуливаться по кабинету, вспоминая те дни:

– Тогда Арбатской Конфедерации с Полисом и в помине не было... Военные пытались установить централизованное управление, а люди с перепугу защищали свои станции от всех подряд, и с оружием и голыми руками. Полный бардак и анархия, может, помнишь?

Максим всего не помнил. Зато в память врезалось, как была суматоха, было страшно, его вместе с другими детьми женщины уводили подальше в темный переход, где громко рассказывали сказки и читали стихи. А со станции доносилась стрельба и гулкие раскаты взрывов...

Сейчас, конечно, Макс понимал, что взрослые таким образом пытались защитить их совсем не счастливое детство от реальной жизни, но хрен там, не получилось. От жизни не сбежать.

– Не знаю, почему твой отец с Боровицкой ушел, но отсюда ни на шаг не двигался, до того дня... Тебе сколько было, когда сиротой остался, десять?

– Побольше... – отец в восемнадцатом году исчез, его искали и не нашли, точнее, не опознали какое-то обгоревшее тело в перегоне, немало там жмуриков лежало в те времена. А потом родилась Симка, мать ее, не то отцова жена, не то вдова, сильно болела и тоже долго не протянула. И лучшее, что могло ожидать Максима, – компания беспризорников, уже с малолетства выбирающий себе бойцов Роман Евгеньевич, сердобольная тетка Клава и блокпост в глубине туннеля...

– Да, я хотел бы узнать что-нибудь, может, кто вспомнит, – и чем черт не шутит. Неужели в огромном Полисе никого не найдется, который жил бы там с самого начала и помнил что об Анатолии Белявском?

– Сначала дело, Максим. Свои вопросы тоже можешь задавать, будешь у нас шпионом с легендой! – Сергей Михайлович, глядя в упор, улыбнулся, но тут же косматые брови сошлись в прямую линию. – Без выкрутасов там, смотри! Если бы я хотел послать тупого быка, то тупого бы и послал. Сечешь? Надеюсь, что не ошибся в выборе, и ты мозги последние не порастерял со своим приятелем-картежником на посту. Короче, головой работай больше, чем кулаком. Оно и здесь не вредно, а уж в Полисе и подавно, если туда путь приведет... Дерзай, пацан.

Максим под впечатлением от разговора поднялся со стула и уже было подошел к двери, чтобы уйти, как его окликнул Король.

– Макс, а-а что там с должником, как его... Мойша вроде, да?

– Все пучком, Сергей Михалыч, я поработал... – сам того не замечая, Макс потер ободранный кулак, – если до завтра бабла не будет, то Утюг бар себе заберет и должок Мойши уплатит, в двойном размере – с процентом за неудобства.

– Ну и хорошо, – улыбнулся Король. – Иди.

Глава 2

В дорогу

Выйдя из кабинета в раздумьях после разговора, сам того не замечая, Макс очнулся только у обитой жестью двери с кривой надписью краской «Адвакат», именно так, с ошибкой, через «а». Так и не призналась сестренка, она ли намалевала, или все-таки из братвы кто пошутил, пометив контору. Сколоченная из драгоценных досок и ржавых листов жести комнатуха три на три метра – их с Симкой личные апартаменты – в одном ряду с другими такими же. Тесно, но жить можно.

Серафимы дома не оказалось. «Как всегда у подружек-торговок ошивается», – автоматически решил Макс, повесив куртку на гвоздь и сдвинув в сторону занавеску, разделявшую комнатуху на, так сказать, женское и мужское общежитие, плюхнулся на свой топчан, уставившись в потолок.

По жестяному с бляшками ржавчины потолку, медленно перебирая лапами, ползла жирная, с ноготь, мокрица. Макс фокусировал на ней взгляд, переваривая события, случившиеся всего за несколько часов. Стрельба и труп старика не в счет, что, мало ли такого? То-то и оно, что хватает. Но вот поход возможно до самого почти легендарного Полиса, возможность узнать хоть что-то об отце... Да и бумажка эта. Протянув руку, пошарил в кармане висящей куртки и выудил смятый клочок. Развернул, вглядываясь в расплывшиеся каракули, света не хватало. Крохотная лампочка, служившая освещением комнаты и миниатюрным солнцем для «цветка» – ветки с набухшими почками в кадке с землей, – светила едва ли в треть накала. Тяжело поднявшись, Макс поднял свою кровать и подпер обрезком трубы.

Под кроватью, занимая добрую половину ее длины, лежал чернильно-черный ящик с выющимися проводами и торчащими через один металлическими штырями. Бумага на штырях почти высохла. Макс пошарил в углу, выуживая трехлитровую пластиковую канистру, и вылил половину грязной, буро-желтой воды, обильно смачивая обмотки батареи. Послышалось легкое шипение. Вернув кровать на место, Макс немного подождал, пока лампочка разгорится, и снова прочел записку. Неровно оборванный сверху край закатался внутрь, сгибы стерли несколько строк и букв, и вообще, листок выглядел, словно его чуть ли не каждый день перед сном вместо книги читали. Что же такое нужно для себя, но тайное от других, там видел покойный? Максим вчитался в более или менее знакомые слова, перемежающиеся почему-то цифрами прямо посреди предложений: «...в соответствии с утвержденным планом работ просьба обеспечить своевременную транспортировку изделия, направляемого для проведения испытаний... в установленные сроки, не позднее 3 июля 2013 г.». Дальше стало чуть интереснее, когда некто начал пугать «особыми условиями», изложенными в «приложении А – черт, буквы стерлись – 2035сс-13, совершенно секретно, экз. № 2 и 3, на 27 листах каждый, в первый адрес...». Уй, епта, хренотень-то какая! Требовалось еще и задействовать при погрузочных работах сотрудников, имеющих соответствующий уровень допуска и ознакомленных с инструкцией... Максим подумал, что тут и для чтения необходима отдельная инструкция, без нее смысл мог понять лишь сам брамин, так до конца и не разобрался, почесал в затылке и улегся, натянув до подбородка кусачее шерстяное одеяло – усталость брала свое.

Во сне Макс слышал, как пришла Сима, тренькнула железными кольцами сдвигаемая занавеска, за стенкой бормотал сосед, наверное, снова объевшийся каких-то эдаких грибов, скреблись мыши и свистел сквозняк. А еще ему снился сон, он видел отца таким, каким запомнил будучи семилетием пацаном: высоченный, могучий, подпиравший плечами свод метро-туннеля. Но вместо лица родителя клубился туман.

Проснулся Макс, как от пинка, и совсем не отдохнувший, будто не спал вовсе. Протерев слипшиеся ото сна глаза, Макс обнаружил сидящую напротив надувшуюся, как мышь на крупу, Серафиму.

«Видать, кто-то рассказал про задания Короля», – решил Максим, натягивая свитер.

– Шныря сказал, вы в туннели пойдете, а куда? – Симка шмыгнула конопатым носом.

«Шныря растрепал. Падла. Хотя...» – подумал, шнуруя ботинок, Макс, вслух же ответил:

– Да, пахан зарядил. Грит, ты самый смекалистый-башкавитый, метнись кабанчиком на Кузнецкий, узнай че-как.

– Не придуривайся, Максимка, ты так не разговариваешь. Это из-за старика, да?

Адвокат внутренне скривился: сестра собиралась расплакаться. Нет, женские и любые другие слезы его никогда не трогали – крови в его жизни было всегда больше. Но вот перед слезами Серафимы он пасовал.

– Ну-ну, Рыжик, я ненадолго, – он, не вставая с койки, перетянул к себе на колени Симку с уже набухшими влагой глазами. Прижал к груди, как маленького ребенка. – Вот увидишь, схожу туда-обратно, и вернусь, ты даже не заметишь, пока с подружками-торговками болтать будешь, – уговаривал Максим, глядя по темному золоту косичек.

– Правда, быстро вернешься? – оторвавшись от братского плеча, Сима подняла заплаканные глаза.

– Конечно! – твердо соврал Макс, потому как сам в этом уверен-то и не был. – Все раз-узнаю, все запомню. А Шныря мне помогать будет, прикрывать. Он, конечно, брехло, но боец, что надо.

Сима, шмыгнув носом и утирая ладошками слезы, неуверенно кивнула:

– А можно, я с тобой?.. Я как мышка, тихо, мешать не буду.

– Да ну. Ты что?! – Макс ссадил ее на кровать и встал. – Нет, конечно. Это мужские дела, а ты, как всегда, хвостом везде... Дома лучше приберись. И цветок, цветок кто поливать станет? Засохнет же!

Уходя от скользкого вопроса, Максим отвернулся от сестры, сдвинул тумбочку, расшатал и вынул кирпич из стены. На крышку, гулко стукнув, легла пластиковая коробка: внутри два кулька в промасленной тряпке, их с сестрой сбережения на черный день – три полных рожка «семерки» и отцовский «Тульский-Токарев» с двумя магазинами. В дверь поскреблись и голосом Шныри объявили:

– Адвокат, пора, я у Каталы уже в дорогу затарился...

С барского плеча Короля в дорогу им со Шнырей выдали по тридцать патронов «семерки» на брата для пожрать-проехать, Максому же «ксюху» и несколько банок свиного тушняка.

– Не густо, – почесал в затылке Макс, разглядывая богатства в рюкзаке и уверенно отбирая патроны себе.

– Э-э! Маслята на обоих выдавали! – тут же встрял Шныря, не всегда чувявший, с кем можно понтоваться, а с кем лучше хвост прижать, пытаясь выхватить «рожок», но Макс схватил его за палец и как следует вывернул.

– Обойдешься. Ты ж в первой же лавке все бабки оставишь, трепло. Вечно с пустым карманом. Где свои-то успел опять профукать? На Ежа что ли поставил?

– А тебе не насрать? – обиженно потирал ноющую руку Шныря.

Видно, предположения оказались верными, и легкомысленный приятель снова польстился на быстрое бабло. А не везло ему ни в игре, ни по жизни, если взрослый обалдуй едва поднялся от низшего шныря до шестерки, все еще сохранив за собой не очень-то уважительное погоняло.

– На тебя – насрать. Но бабки – общак, – Макс распахнул карманы по карманам, – на, неси, доверяю, – и кинул рюкзак с провизией Шныре. Тот обиженно посопел, нахмурился, что-то прикидывая в уме, но затем просветлел лицом, видимо, волшебное слово «общак» его успокоило. И надеялся, что со временем Макс все же даст слабинку и поделится, как обычно.

Возле борделя общак все-таки оказался под угрозой, уж слишком завлекательно вертелись у входа девчонки, демонстрируя свое округло-жопастое удачно заголенное богатство, но времени на развлечения не хватало. Шныря попытался хоть ущипнуть демонстративно подставленную попку, но вовремя появившаяся «мамка», выплескивающая помой, треснула его ведром по рукам.

– Вот я тебе грабли поотшибаю сейчас, халявщик! А вы идите полы домывать, в зале грязно, – прикрикнула она на свободных от ночной работы девиц, – чтобы к вечеру этот бардак блестел, а то будете тут одну шваль такую обслуживать, паразитки!

Палец негодующей хозяйки уперся в Шнырю, Максиму, которому раз в неделю аккуратно выплачивалась выручка для пахана, она сдержанно кивнула и удалилась за рваный вышитый полог, отгораживающий вход.

– Макс, а Макс, дай патронов, хоть пожрать в дорогу возьму. Ну, чтоб не скучно.

Максим вздохнул:

«Не отвяжется же. Как дите», – достал из карман два патрона, протянул, а когда Шныря уже хотел их взять, сжал руку в кулак:

– Макс, я только жамок возьму, хоть чипсов, ну, чисто руки занять!

Получив свои два патрона, счастливый Шныря ускакал к лоткам, растворившись в потоке бродящих по платформе покупателей.

– Лучше б ты рот занял. Трепло, – Макс огляделся по сторонам, среди снующих туда и сюда людей Симки видно не было, провожать не пошла, что, в общем, было хорошо: слезы, слюни и сопли были сейчас совсем ни к чему. А пока Шныря шнырял где-то у лотка с жареными грибами и картошкой, изо всех сил распальцовываясь не по рангу.

– Ни фиги себе цену заломил, я тебе не олень и фраер залетный! Ну, видал, как барыги обнаглели! – привычно бросил через плечо Шныря, испугав прохожего, и сам же очканул, забыв, что рядом нет Макса. – Мне вон сам Король дела порешать доверил! Так что ты тут не борзей, помни, кто станцию крышует.

Продавец сушеных шампиньонов и прочих закусонов помнил, потому покосился на стоящего неподалеку Адвоката. Тот показал сжатый кулак, адресуя его больше болтливому Шныре, но скидку нахал все-таки получил. А Максим пошел договариваться о транспорте – пилить до Третьяковской полтора километра по рельсам как-то не хотелось.

– Дядька Макс, – послышалось сзади, Белявский обернулся.

– Чо хотел, Изя?

Воровато повертев курчавой головой, мальчик поманил к себе. Макс наклонился.

– Дед просил передать, – шептал пацаненок, – Сашка Еж через Сеньку Крысака ставку против себя сделал.

– Да ты что... – Макс потер кулак. – А насколько, не сказал?

– Четыреста патриков! – округлив глаза, выдал Изя.

– Ого, серьезно! – пошарив в кармане, Макс выудил два патрона «пятерки». – Держи, пацан, купишь себе крыску.

– Спасибо, дядька Макс! – мелкий пацаненок шмыгнув носом и вприпрыжку пустился по платформе, тут же растворившись среди прохожих.

Максим еще долго глядел ему вслед, вспоминая и себя когда-то таким же малолетним беспризорником. Но воспоминания могут и подождать, следовало навестить Ежа. А где сейчас мог ошиваться этот падла? Уж точно не в рыгаловке, там ему вполне могут отсыпать люлей.

У Зинки он нежится, гад. Развернувшись на месте, Адвокат уверенно направился обратно к борделю.

Местный дом терпимости был когда-то ларьком, сейчас разделенным на отдельные клетушки шириной в кровать, соединенные общим коридором, к которому потом достроили еще три стены. На пороге скучал вышибала.

– Еж у Зинки?

– В четвертом, – ответил бугай и тут же добавил, – меня здесь нет.

– Прально, целей будешь.

Фанерную дверь в четвертый «номер» Макс высадил пинком. На кровати, оседлав голого Ежа, трясла сиськами четвертого размера Зинка по кличке Доярка.

– Брысь! – цыкнул Адвокат, нащупывая в кармане кастет. Зинка накинула халат, едва прикрывавший прелести, и встала, закрыв собой Ежа.

– Ты на меня сиськи-то не складывай, вали, шаланда.

– А что, боишься? – наклонилась Доярка, оголяя грудь.

– Брезгую.

Кинув на прощание «козел», Зинка скрылась за дверью. Сашка тем временем, барахтаясь на узкой неудобной кровати, натягивал штаны, путаясь в одеяле.

– Ну, игложопый, я с тебя бабу сгоняю, а ты и не в претензии, – протянул Макс, зло прищурившись. – Никак догадываешься, зачем я пришел, а?

– Да че догадываться-то, за проигрыш предъявить хочешь, – пожал плечами Еж, наконец застегнув штаны и свесив ноги.

– Шалаве своей заливать будешь. Бабки гони. Или ты думал под носом у Короля дела обдeldывать, и процент в общак не платить? Много таких ушлых перегоны удобряет.

– Да падла буду, запнулся я, – подался Сашка вперед и тут же выстрелил кулаком, целя Максиму в солнечное сплетение. Кастет угодил ровно в челюсть, на фанерную стенку брызнуло темным. Еж, держась за сломанную челюсть выл, заливая тряпки кровью.

– Патроны бя где?! – Макс добавил кастетом еще и по ребрам, хотя с челюстью это, конечно, не сравнится. Отпихнув ногой Сашку, вытянул из-под матраца зазвеневшую сумку, пересчитал. В дверях появилась «мамка».

– Че тут творится?! – верещала хозяйка. – А ну, выметайся. Демьян, че ты сидишь! – крикнула та в коридор.

– Пшла на хер, шалава, – рявкнул Максим и захлопнул висющую на соплях дверь.

– Сто девяносто, остальное у Крысы, кента твоего? Отвечай пададь! – Еж лишь утвердительно промывчал. Адвокат отсчитал тридцать патронов в общак, а двадцать за моральный ущерб – уже себе. Остальное швырнул на кровать.

– Еще раз скрысятничаешь, ежак, переломаю ноги и выкину со станции. Всосал?

На выходе Белявский зыркнул на вышибалу, тот лишь поднял руки и отошел.

– Еж оплатит дверь, – бросил Макс недовольной «мамке», стягивая с руки окровавленный кастет.

– Макс, я тя обыскался! – как из-под земли вырос, уже чем-то чавкая, Шныря. – К бабам ходил, а про кореша забыл, да? Вот ты гад!

– Не трынди, по делу ходил. Пошли транспорт искать.

На путях за блокпостом сейчас грузились две дрезины. На ближней – ручной – возились какие-то стремные, с синюшными рылами мутные типы, к ним он даже и подходить не стал. На ручной дрезине любой пассажир – даже тот, что платит, – всегда «тепловоз». А тепловоз, потому что качает ручной привод, и ему жарко. Этот вариант Макс оставлял на крайняк. А вот вторая – дальняя – платформа была явно с мотодрезинной, к ней он и направился. Благо бригадир показался знакомый – в довоенном прошлом самый настоящий сибирский плотогон. Шныря, держа большой газетный кулек с жареными грибами, догнал уже на подходе.

– Здорово, Платон Филипыч, – Максим обратился к сухому мужичку в фуфайке, грузившему свертки на платформу дрезины. – На Третьяковскую, поди, отправляешься?

– И тебе не хворать, Адвокат, – мужик забросил еще один тюк и, выпрямившись, вытер лицо, поправил сползший на глаза треух. – А куды еще-то?... Через нее, родимую.

– В попутчики не возьмешь? Нам в ту же сторону.

Пританцовывавший, никогда не стоящий спокойно Шныря закинул в рот горсть еще горячих грибков и тут же встрял:

– Да-да, подвези отец, мы в пути много не съедим.

– Тебя-то Максим – без проблем, бесплатно, – вздохнул бригадир. – А вот ентот мудень пуцай пешком шкандыбает!

– Это кто мудень?! – закипел Шныря, кинувшись на мужичка.

Но Максим не дремал и, поймав того за шкирку, отшвырнул в сторону.

– Глохни, Шныря! Надо и его, Филипыч, – спокойно проговорил Макс. – Отца иду искать. Далеко иду. Шныря в подмогу. Заплатим.

Движок дрезины надрывно трещал, время от времени постреливая в глушитель, чихая и грозя заглохнуть. Сизый от масла удушливый дым заполнял туннель – Макс пожалел, что дрезина не позади грузовой платформы, тогда и дым бы не приходилось глотать. А так... хоть не пешком.

Впрочем, шум мотора, мечущийся эхом от стены до стены, думать не мешал.

На поиски чего он отправился в действительности? На этот вопрос Максим не смог бы ответить даже себе. Чего не хватало на самом деле? Подумаешь, бумажку какую-то подобрал, да сразу не подтерся! Загадок захотелось? Проснулось что-то внутри, или хотя бы заворочалось во сне, пробуждая и разум. Как будто тот мальчишка, с гордостью цепляющийся за руку отца, еще не исчез окончательно, не растворился в темноте туннеля и в полумраке шумного и грязного Вавилона станции Китай-город. Его не сожрали другие волчата-беспризорники, не добила жестокость и война, не могла спрятать дубленая шкура сборщика налогов в общак, нечувствительная к чужой боли и к собственной. И он просто прятался где-то рядом, чтобы сейчас показаться на глаза: вот, смотри же, мир такой большой и интересный, а мы сидим тут и ничего не видим! И теперь мальчик ему самому протягивал руку, приглашая следовать за собой.

Серые стены почти не освещенного туннеля проплывали мимо, Шныря чавкал над ухом, глаза слезились от вонючего дыма, а Максим смотрел на свои ладони. Не очень-то привычны были руки к бумаге, но так хотелось снова достать тот листок, пусть и ни черта на нем пока не понятно. Пока... Много вопросов, и прав был опытный Король, недаром что пахан: сидя на заднице ответов на них не найдешь!

Чихающий движок дрезины втянул груженую платформу на станцию. «Третьяковская» – сообщали закопченные выпуклые буквы на стене. Третьяковскую Максим как-то недолюбливал: низкий, давящий округлый потолок всегда создавал ощущение, что из туннеля-то и не выехал. Несмотря на бродящих людей, палатки, горящие костры не походило это место на жилое.

– Баста. Приехали. Выгружайтесь, – скомандовал Филипыч, останавливая свой моторизованный «плот» на рельсовом ходу.

Максим взобрался на платформу, следом Шныря.

– Спасибо, Платон Филипыч.

– Бывайте, шпана.

Зарычал движок, и груженная дрезина двинулась дальше.

Макс стоял в нерешительности: что делать-то дальше? Все его мысли с момента, как он получил задание от Короля, крутились вокруг «вот только выберусь с Китай-города...». Дальнейших тонкостей Макс как-то и не продумывал. Под руку сунулся Шныря:

– Макс, я тут малость погуляю, а?..

– Ты покрутись, – Макс оглянулся по сторонам, но местным хватало своих проблем, – послушай, о чем говорят. Только не встрянь.

– Адвокат, ты ж меня знаешь, – обидевшись, развел руками Шныря.

– То-то и оно, что знаю, – протянул Максим, копаясь в кармане. Получив еще два патрона, счастливый Шныря растворился между костров и палаток.

Стоять столбом посреди платформы, привлекая к себе взгляды хмурых парней в кожанках – местной братвы, охранявшей порядок, надобности не было. Да и чего стоять? Двигаться надо, двигаться. Макс осмотрелся: необходимо вычислить любопытного и болтливого, можно даже и не одного, чем больше опросить народа, тем точнее информация. А кто сует везде нос и треплет языком?

Хорошо бы найти завалинку-курилку, где местные мужики от нехрен делать жопы отсигивают. Сам-то Максим не курил ни драгоценный довоенный табак, ни смесь из сушеных «эдаких» грибов и туннельного мха, а провалить задание Короля сразу же на начальном этапе не хотелось, поэтому пришлось идти на запах дыма, к настоящим сигаретам почти не имеющего отношения.

Ему вспоминался дедушкин нюхательный табак с резким запахом, который забивался в нос, вызывая неудержимый чих. Маленький Максим еще в пятилетнем возрасте с интересом провел эксперимент с этой взрослой забавой, ощущения не понравились. Но было интересно вдохнуть с опаской этот похожий на перец коричневый порошок. А потом чихать вместе с дедом: кто громче. Мама долго ругалась и не понимала, где только «старый дурак» доставал в двадцать первом веке эту отраву, вышедшую из моды сто лет тому назад!

Преодолев задумчивость, Максим все же сосредоточился на деле. Выбор собеседника в местном «клубе джентльменов» был невелик. Один грузчик уже давил окурки в жестяной банке, торопясь уходить, второй не спешил, жмуря глаза от удовольствия и едкого дыма, наслаждаясь скорее перерывом в работе, чем самим процессом.

– Стой, мужик! Дело одно есть...

Работяга, собравшийся уже отойти, недоуменно посмотрел на Максима, не понимая, что от него хотят.

Максим решил начать с прямого вопроса:

– Не встречал вчера мужика седого? В куртке с заплатками. Волосы еще длинные, нестриженные. Хоть он и немолодой уже.

Грузчик сделал еще полшага к двери, но остановился, растирая заскорузлые от грязи пальцы.

– Я не помню. Вроде, видел.

Подавал голос и второй:

– Да я тебе сразу сказал, что он на рок-музыканта какого-то похож в своей бандане. Только гитары не хватает за спиной. Патлатый такой, странный.

Трудно было с непривычки вопросы задавать. При необходимости за Максима это всегда делал кто-то другой, а ему приходилось только переступать с ноги на ногу за спиной начальства, производя впечатление «силового аргумента» на случай неправильных ответов. Впрочем, к важным разговорам он всегда прислушивался, хоть ни разу не приходилось вести их самому. Он научился слушать, угадывать правду и ложь в ответах, а порой и в самих вопросах. Догадывался ли об этом пахан? Наверное. Но не следовало отвлекаться. Значит, брамин носил на голове повязку, скрывая татуировку.

Максим попытался представить себе эту картинку, но не получилось, он видел умирающего мельком, в полумраке, и черты лица успели частично стереться из памяти. Как же он будет описывать незнакомца, спрашивая о нем? Это хорошо, что нашлась такая характерная

черта внешности, знать бы еще, какого цвета повязку носил старик, потому что никакой похожей тряпки при нем не нашлось. Вот уж точно: найди то, не знаю, что. А придется найти.

– И зачем же этот седой хиппи кому-то понадобился? – Максим был настороже, отвечать на чужие вопросы ему категорически не рекомендовали. А врать не научился, знал за собой этот недостаток. Проще было бы промолчать, чтобы не городить ахинею, в которой он сам же и запутается. Но рабочий вдруг проявил любопытство, не то, что в начале.

– Кто его ищет? Он на Китай-город ушел еще вчера. А ты, кажется, из тех же краев?

Ну почему их братву узнают на всех станциях?! И что теперь говорить?

– Да, из тех. А мужик-то теперь у нас. Станный он какой-то, хотелось бы что-то про него узнать.

– А он что, надолго у вас останется?

– Надолго, наверное, – да уж дольше некуда... Теперь у него там наверху неподалеку от станции будет вечная прописка.

– Тогда не там спрашиваешь, он же только вчера пришел от «красных», может, с самой Лубянки, у них и ищи рекомендации на своего подозрительного типа. Удачи, парень, а мне некогда.

Максим задумался, но не настолько, чтобы не перекрыть пути отступления и другому потенциальному источнику информации, отодвинув плечом собравшегося уходить второго рабочего обратно, поближе к пепельнице.

– Музыкант, говоришь? И с чего ты так решил?

– Да с виду! – тот уже жалел, что влез в разговор, хоть ему пока ничего не угрожало. Браток был вполне мирно настроен, но кто ж их знает-то? А вдруг ответ не понравится, тут же в морду двинет. Или еще что похуже. А Максим уже пожалел, что настаивал на ответе, – запугал свидетеля. Ну, делать нечего, если таким его видят люди: опасным и враждебным. Пальцем ведь не пошевелил, улыбнулся даже. Но репутация у братвы не самая лучшая, должен был и об этом подумать. Не подумал. Но мужику, утиравшему через слово текшие сопли, уж очень хотелось поотлынивать от работы, поэтому он остался на месте и больше не пытался удрать. А продолжил рассказывать:

– Пришел вчера этот гражданин в бандане от «красных»... Я еще подумал, что он точно не из этих. Такие скорее на Ганзе обитают. Там народ поживее.

– А раньше ты его не видел?

– Да нет... Запомнил бы. И самое странное: он ведь не к нам пришел, сразу к вам соби-рался. Только остановился с какими-то ребятами поговорить. Тоже не наши, кстати. Он ушел, а они – следом. Я еще подумал, что дед опять в Ганзу идет, до Таганки. А вот те парни – точно к вам на Китай.

– Наблюдательный ты, мужик...

Вот только никакие другие «парни» на Китай-город не приходили. Кому, как не Максиму, это знать, сидя на блокпосте. Значит, ограбили брамина где-то в этом перегоне. Расследование проводить пахан ему не заказывал. Оставалось узнать только, не спохватились ли еще в Полисе, что пропал ценный сотрудник. И зачем вообще занесла нелегкая брамина так далеко? Или...

Мысль пришла только что и показалась неожиданной, но не лишенной логики: а если брамин не настоящий? Правда, еще ни разу Максиму не приходилось видеть, чтобы кто-то делал себе такую фальшивую татуировку, не было смысла. Но, если он этого смысла не видит, это еще не значит, что его нет совсем. Тоже хорошо бы разузнать. Тогда надо идти дальше, не торчать тут в рабочей курилке, убивая время черт знает с кем. Мужик-то с починкой дрезины резину тянет от забора до обеда, а у него дело есть.

Вроде бы многое прояснилось, следовало идти дальше на Красную линию, может, и в сторону Лубянки. Осталось забрать Шнырю и найти транспорт. А где его найти? Шнырю, верно, там, где жратва.

Макс быстрым шагом прошелся по местному рынку – ассортимент тот же, что и в Китай-городе: жратва, одежда, оружие, лекарства, всякая нужная в быту мелочевка. Шныри не оказалось ни у жаровни с мясом, ни у теток с грибами. Это было странно.

«Может, в местном кабаке?» – подумал Макс, протискиваясь сквозь толпу. Рыгаловку долго искать не пришлось, просто идти на шум не в лад звучащей музыки, обходя по дороге бредущих петляющей походкой мужичков. Уже на подходе Макс услышал истошный женский визг и крики «убили!».

Заскочив пулей в забегаловку, он с трудом протолкался сквозь толпу мужиков, окруживших небольшой пятачок: сжимая в руке окровавленный нож, над лежащим Шнырей стоял бугай. Он метнулся влево-вправо, но стоявшие сплошной стеной мужики с прутьями и обрезками труб в руках не выпускали убийцу.

Макс соображал секунду:

– Ты-ы! – он узнал Щербатого, одного из вышибал Мойши. Отцовский ТТ сам прыгнул из кобуры в руку. Щербатый затравленно огляделся в поисках выхода, ощерился и кинулся на Максима. Патрон всегда в стволе. Щелкнул взведенный курок.

Выстрел. Отдача непривычно жестко лягнула в руку, вскидывая ствол сильно выше.

Пуля разворотила Щербатому нижнюю челюсть, разметав ошметки кости и зубов кровавым веером. Верзила еще летел по инерции, но колени подломились, он стал заваливаться.

Выстрел. Вторая пуля догнала Щербатого уже в падении, угодив в грудину.

Привычка Максима бить первым и бить наверняка сыграла теперь злую шутку: перед местной братвой и паханом по кличке Учитель придется отвечать. Но это не проблема. Проблема в том, что это надолго, он провалит задание Короля и свое собственное, хотя о нем-то никто не спросит. Эти мысли галопом пролетели в голове Максима, когда он, поднырнув под руку ближайшего выпивохи, решившего самолично изловить убийцу, бросился к выходу. Женщина визжала сиреной не переставая. Посетители кинулись врассыпную от вооруженного человека. Братка в черной кожанке с автоматом наготове Максим встретил уже в дверном проеме ударом плеча.

Затеряться в тесном пространстве станции – та еще задачка, но мозги Макса хоть и запоздало, но заработали на сто десять процентов! Чтобы вызвать подозрения и обратить на себя внимание, достаточно просто бежать. Поэтому Максим, активно распахивая прохожих, устремился обратно на платформу, на которую они со Шнырей приехали. Достигнув середины, он пинком опрокинул бочку с горящим костром. Дрова были, видно, подброшены недавно, сноп искр разлетелся в стороны, ударив в низкий потолок, как от взрыва, загорелось тряпье и чья-то палатка. Местные загомонили: одни кинулись тушить, другие, спасти свое добро. Собралась толчея.

Пока местные были заняты разгоравшимся пожаром, Макс спокойным шагом направился к переходу, чтобы подняться по лестнице на другую станцию. В проходе показались охранники, четверо. Будто бы так и собирался, Максим, опустившись на четвереньки забрался в низкую палатку и нос к носу встретился со спящим в обнимку с пузатой бутылкой заросшим по самые глаза стариком.

Спящий дернулся, открыл глаза, смахнул с лица нестриженные лохмы. Белявский протянул тому два патрона и показал пальцами, мол, тихо. Братки прошли мимо. Было слышно, как они расспрашивают местных, картавый голос сообщил, что кто-то побежал в туннель. Может, кто и в самом деле побежал, топот и голоса охранников стали глуше.

«Уходят. Купились», – решил Максим и тихо спросил хозяина палатки:

– Дед, слышь, есть какая одежонка?

– Пяток шемерки, – прошамкал пеньками дедок.

– Ну ты и барыга старый...

– А то!

Из палатки вылез уже не подтянутый крепыш в кожанке, а сгорбившийся мужичок в женском порченом крысами пальто и полусгнившей ушанке. Вместо крепких цокающих гвоздями берцев по мраморному полу шаркали дырявые валенки в чунях. Макс предстояло вернуться обратно к забежаловке, пройти по переходу над путям и спуститься по давно застывшему эскалатору вниз, на станцию Новокузнецкая, а потом уже, поймав попутку, двинуться дальше, на Театральную.

Подходя к бару, Макс подвязал уши шапки, закрывая лицо, не забывая при этом активно скрипеть резиновыми чунями по скользкому полу, усиленный пикет из уже трех бойцов на углу только мазнул по нему взглядом и больше не замечал. Из бара вынесли Щербатого. Макс остановился, прижимая руку к животу, согнулся даже, сам при этом внимательно посматривая на дверь рыгаловки. Следом на носилках вытащили Шнырю.

Макс проводил взглядом носилки: этот электровеник, выпивоха и откровенное трепло выглядел бы спящим, если только не бледность и почти черное кровавое пятно, расплывшееся на груди. В принципе, трупы Белявского особо не смущали – мало, что ли, их случалось, – но здесь и сейчас лежал знакомый с самого детства, почти родной человек. Некстати вспомнилось, как подростками они частенько совершали вылазки в туннели, исследовали, рисовали карты технических проходов...

Одернув себя, Макс зашаркал дальше. У него все еще оставалась цель, да и местную братву следовало скинуть с хвоста. Поднявшись снова по ступенькам, он выбрался в переход – фактически, мост, связывающий две противоположные платформы. Ему не требовалось путевода, ориентировался неплохо, даром что домосед, хотя еще мог перепутать Авиамоторную с Автозаводской. Но до них еще добраться пришлось бы. В просвет между перилами было видно, что устроенный пожар уже потушили, и народ расходился по своим делам. А давешний старик что-то оживленно рассказывал охранникам, махая рукой с бутылкой.

– Вот падла! – зашипел Белявский, прибавив шаг.

С трудом спустившись по неработающему эскалатору вниз, Белявский заторопился к посадочной платформе. Здесь грузились несколько дрезин, а одна уже готовилась к отправке – плотный мужик в очках возился с движком. Пинал кикстартер, старый двигатель стрелял синим пламенем из карбюратора, чихал дымком из выхлопной трубы, но заводиться отказывался.

Здесь тоже по краям платформы стояли усиленные пикеты из четверых бойцов с куцыми автоматами. Но они лишь хмуро поглядывали по сторонам, не вмешиваясь в процесс погрузки-разгрузки. Макс засеменил мимо, украдкой косясь на ближайших охранников. Один бровастый с каким-то наглым лицом – явно старший – проводил его презрительным цепким взглядом. Да, таких бомжар в метро много, даже большинство.

Макс прошел по краю платформы, обогнул бочку с костром и направился к никак не заводившейся дрезине.

– Здорово, отец. Попутчика не возьмешь?

Дрезинщик-торгаш лишь бросил на Макса косою взгляд не отрываясь от работы, презрительно кинул:

– А нахрен ты мне такой красивый сдался? – сам же продолжая ковыряться в движке.

– Так не бесплатно же! – повысил голос Макс, опасливо глянув на бровастого охранника.

Дрезинщик покачал кикстартер, а затем ударил по нему ногой, движок рыкнул и снова заглох.

– Фух... – мужик уселся на скамью, в упор уставившись на Максима, вернее, на его маскард. С минуту рассматривал поверх очков драное женское пальто с побитом молью когда-то песцовым воротником. – М-да. Откуда ж у тебя, голубушка, патроны?.. Натурой, учти, не беру.

– Ты, эта, мужик, за базаром-то следи! – завелся Максим, но услышав зазвонивший у пикета станционный телефон, попритих. Порывшись за пазухой, звякнул металлом, показывая горсть патронов общака:

– Десятка «семерок»

Караванщик сидел все так же, не изменив позы, но взгляд за круглыми очками стал другой. Он скривился, шмыгнул мясистым носом-картошкой, пожевал губу:

– Ты внизу шорох навел?

– Уже и здесь прознали... – быстро, хмыкнул Макс. – Гнида одна кореша порешила, я за кореша отомстил. Погорячился, конечно – палить не стоило, Учитель не поймет.

– Ты с китайгородских, – заключил мужик, складывая один к одному: говор Максима и блеснувшую под драным пальто добротную кожанку. – Двадцатку «семерок».

– Договорились. Макс, Адвокат, – Белявский протянул руку.

– Вадим Рамзес, – п, ожимая руку. – Ща, заведем и поедем. А то местные цирики на твой прикид наводку получили, вон, бомжар местных ощупывают.

Макс украдкой осмотрелся, и правда: заглядывали в каждую палатку, рассматривали на свет каждого оборванца. Один забыковал и тут же получил в зубы.

«В конце концов, и до меня дойдут. Дедок, падла, и бабки получил и браткам сдал, сука» – скрипел зубами Белявский.

Вадим тем временем, выкрутив свечи, прокаливал их, держа длинными щипцам над горящей бочкой. Он крутил их так и эдак, свечи курились синим дымком, постепенно наливаясь малиновым цветом.

– Рамзес... – позвал было Макс с тревогой оглядываясь по сторонам. Палатки для досмотра стремительно заканчивались.

– Не сцы. Успеем. Когда свечи перестали дымить и достаточно прокалились, караванщик вкрутил их еще горячими в цилиндры. Открыл краник на баке, дождался, когда стеклянная колба у карбюратора заполнится грязно-желтым топливом. Подкачал.

Максим сидел как на иголках: вот-вот же схватят! А он просто так сдаваться не намеревался, пропадать, так с головой. Убивать местных цириков, конечно, не станет, незачем. Но вот морды обстучит от всей души. Вадим закончил с движком свои непонятные манипуляции, подкачал стартер, поставил сапог, подмигнул Максиму и выжал рычаг ножного стартера.

По станции эхом разнеслось надрывное тах-тах-тах. Оглушительно прочихавшись, движок набрал обороты, выбрасывая из обрезка трубы, заменявшей глушитель, прозрачно-синий дым.

– По местам! – скомандовал караванщик, махнув рукой, уселся вперед. Шестеро угрюмых мужиков с автоматами попрыгали на длинную платформу с тюками, прицепленную за дрезиной. Максим залез на скамейку позади Вадима.

Бровастый браток, привлеченный гулом работавшего движка, сначала некоторое время всматривался в Максима, затем махнул рукой, крикнул, толкнул соседнего цырика, тыча пальцем на дрезину.

Макс обернулся к Вадиму, перекрикивая ревуший движок:

– Валим! Засекли!

– Пое-ехали! – караванщик выкрутил газ и сдвинул рычаг передачи. Движок надрывно завизжал, дрезина дернулась, звякнула, натянувшись, сцепка, платформа, набирая скорость, послушно устремилась следом.

– Стой! – кричали бежавшие за дрезиной парни. Но Вадим будто бы и не слышал их, знай, глядел вперед, подбавляя газу оглушительно ревушему без глушителя движку. Зажглись фары. Впереди показался блокпост. Караванщик лишь чуть прибавил скорость, поднял в приветствии руку – на посту узнали, ответили, открыли решетчатые ворота. Грузенный караван, миновав пост, резво набирал ход, разрезая туннельную темноту желтым светом мотоциклетной фары.

Максим, обернувшись, долго вглядывался в освещенный прожекторами пяточок перед закрытыми воротами, облегченно выдохнул: пронесло, успели. А впереди лежала неизвестность и станция Театральная.

Глава 3

Торговый центр

После Треугольника непросто было освоиться, перестать оглядываться, но здесь влияние и власть Учителя заканчивалась. Точно так же, как и Короля... Максим уже отвык чувствовать себя добропорядочным гражданином, а пришлось. И Вадим на глазах преобразился в обычного коммерсанта, подозвал грузчиков, отсыпал им горсть «пятерки», чтобы снесли товар на платформу и ждали. Сам широким жестом пригласил Максима перекусить в местную забегаловку. И в ней опытный взгляд Белявского быстро вычислил гостей, набежавших с Новокузнецкой, хотя и они тут тихо сидели, обсуждая представление местного театра.

Культура и другие виды развлечения не были чужды даже братве, особенно «примы», достоинства которой оценили намного более актерской игры и таланта. Что за пьесу показывали недавно, Максим так и не понял. Зато узнал, что у матери главной героини «вот такенные буфера», а изображающий их руками парень сильно преувеличил действительность, иначе эта самая мать наверняка мутант! Вадим заказал пару стаканов выпивки и нехитрую закуску.

– Нервишки успокоить... Давно так не гонял, веришь, нет? Отвык даже. Зато молодость вспомнил. Ты откуда будешь?

– Ты ж сам прочухал по прикиду что с Китай-города, чего спрашивать-то? – не слишком вежливо ответил Максим. «Спаситель» работал не бесплатно, и благодарить его было вроде и не за что.

– И как там Сергей Михайлович Корольков наш поживает? – Вадим пропустил колкость мимо ушей, с хрустом потер заросший подбородок. – Давненько не видел старого черта, все больше транзитом катаюсь, времени нет зайти на рюмку чая.

– Хорошо поживает, чего ему сделается, – ответил нахохлившийся Максим.

Он не мог припомнить своего попутчика, который отзывался о Короле, как о давнем знакомом, но ведь и на всех его встречах не присутствовал, в общении с деловыми охрана смотрящему не требовалась. Катала должен был знать. При мысли о задании, брамине и особенно Шныре, которого навязал Евгенич, настроение резко испортилось. Чтобы это скрыть, Максим махнул до дна, занюхал рукавом, пропахшим слежавшейся пылью и мышами от старого пальто. Заперхал от крепости:

«А пойло-то здесь получше, оказывается...» – Максим поглядел сквозь мутное донце стакана на свет, оглядел пьющих-закусывающих вокруг театралов. Стоило переть сюда через три пень-колоды за ради отдающего пластиковой канистрой бухла на грибах и черте чем? Да, стоило, наверняка. Это не разбавленная темно-синяя бормотуха Мойши, а очищенная несколькими перегонками и наверняка отфильтрованная...

– Понятно, Адвокат, за что тебе такое погоняло приляпали... – усмехнулся Рамзес. Но свое прозвище никак не пояснил. И вряд ли состоял в родстве с египетскими фараонами. Если только с «фараонами» Красной линии, куда и направлялся.

– А за то, что пахан без меня обойтись не может, – в тон ответил Максим. – Никаких стремных переговоров не ведет, пока меня не вызовет.

– Ясно. Стоим и пугаем, чтоб партнеры сговорчивее были, значит, – определился и Вадим с местом своего собеседника в иерархии Китай-города. Место оказалось не таким уж плохим, стоило отнестись серьезнее к беглецу. Может, и благодарность от Короля будет. Ну, не сразу, когда шум уляжется... А что из-за перестрелки в баре шуметь долго не станут, в этом Вадим не сомневался: дело-то мелкое.

Максим кивнул. А Рамзес продолжал задавать свои вопросы:

– Зачем в Треугольник полез? Чего ты там не видал такого, чего бы у вас не было? Я бы еще понял, если сюда заявился...

– Может, мне сюда и нужно? – буркнул Белявский.

– Может быть... Да не очень верится, если вдгонку чуть не шмальнули. Могли и товар попортить.

– А что вез-то? – мягкие мешки в прицепе и, судя по всему, не тяжелые, вызывали любопытство.

– У меня секретов нет, все законно! – чересчур благонадежный и доверительный вид Рамзеса чуть не заставил ему поаплодировать – так на Китай-городе выглядели каталы и прочие шулера при виде жирного лоха. Вот уж действительно театральное представление. – С шаболовскими торгую, от них тряпки везу. Только по оранжевой ветке дальше вашей станции все равно ходу нет, а таскаться через Лубянку с ихним шмоном не выгодно. Проще перегрузиться в Треугольнике на Новокузнецкую, да домой на Проспект Маркса. На Охотный ряд то бишь.

Было похоже на правду и объясняло пружинистые мешки, похожие на матрасы, шмотки на Красной линии продавались выгодно. Некоторые китайгородцы тоже этим барыжили, только не в таких масштабах. Напяливали на себя несколько штанов и спокойно проходили досмотр, где проверяли только документы и оружие. Торговать шли без стволов, сбывали лишнюю одежду проверенным фарцовщикам, возвращаясь домой в чужой рванине, но с прибылью. Патронами у «красных» не разжиться, а вот еды пока хватало. Новый знакомый явно знал какие-то способы преодолеть бдительную таможенную и проверки. И со сбытом был полный порядок: не за мешочек сушеных шампиньонов же он свое богатство продавать собрался?

Взгляд Максима скользнул и по «рыжью», цепи в мизинец на жилистой шее и «гайке» на пальце. Руки, кстати, у Вадима были на удивление «чистыми». Нет, прямо сейчас на длинных фалангах была дизельная сажа и мазут. Но то были явно не потрескавшиеся и грубые, как наждак, грабли трудяги-свинаря, а «музыкальные» не знающие тяжелой работы пальцы вора-щипача. Или чекиста...

Мозгами бог не обидел, потому оказалось совсем не трудно сделать вывод, что любящий золото Рамзес своими шмотками снабжает главарей партийного общества. Хотя режимную Лубянку-Дзержинскую и ему не одолеть, иначе не морочился бы, скача блохой по станциям, а катался с ветерком через Китай-город. Крышует его кто-то, ясное дело, но не с самого верха.

Уяснив для себя и положение Вадима, Максим начал оглядываться. Задание смотрящего нужно было как-то выполнять.

– Рамзес, ты местных хорошо знаешь?

– Нормально, странно было бы соседнюю станцию не знать. А ты реально что ли сюда шел? Чего тогда удирал от братвы, чтобы в дороге не скучать?

– Да у нас, понимаешь, на блокпосту случай вышел... – Максим решил не скрывать своих намерений от кажущегося почти своим Рамзеса. Чем больше туману напустит, тем труднее потом в собственном вранье разбираться. – Брамин у нас на станции откинулся. Вот теперь хожу выясняю, откуда он взялся.

– Ясно, откуда. Из Полиса только. Как же ты выяснял, что за тобой братва со стволами бегом бежала... Не иначе, кто-то рассказывать не хотел? – хитро прищурился Вадим. – Ладно, пристрою тебя на время, а там разберемся. Только браминов я здесь давно не видал. Порядок у них такой: нельзя уходить дальше, чем на одну станцию. Если, конечно, особого задания нет.

– Да вот и получается, что от ваших станций до Полиса ближе всего, – задумался Максим, – с Павелецкой он вряд ли связался бы, что за интерес в бомжатнике?

– Ну, не скажи... – махнул рукой Рамзес. – Может, изучал влияние радиационного фона на увеличение поголовья крыс или еще какую-нибудь хрень. Это они любят!

Оставив нового знакомого сидеть за столиком, Макс прошелся по местным, расспрашивая про седого длинноволосого мужика с повязкой на голове. Но с такой примечательной наруж-

ностью на станции оказался лишь один, к сожалению живой и почти здоровый. Патлатый дед брэнчал на самодельной гитаре, гнусавя через слово «йес» и «тудей», сидя под колонной, похожей на складчатую занавеску.

– Театральная... – развел руками выслушав о результатах Вадим. – Одни гастролеры. В том числе и ваши. Ну, эти-то не на сцене, а в толпе орудуют, карманы чистят.

На стенке и в самом деле была приклеена нарисованная цветными карандашами афиша: «Только одно представление! Танцующий стигмат, на привязи, приходите посмотреть на чудо природы!» Рисунок изображал зубастое и бельмастое страховидло в цепях, стало даже жалко несчастную на вид тварь, которая и не мечтала ходить на поводке, как пудель.

– Понятно, одно... Кто на эту страхомудь во второй раз смотреть пойдет? Еще сталкеры пристрелят спяну или по привычке. Макс, если назад не торопишься, пойдем, с товаром заодно поможем. А как разгребемся с делами, так и в Полис двинешь про своего брамина выяснять. Идет?

Максим кивнул. Возвращаться на Новокузнецкую было опасно, оставалось идти вперед на Красную линию и уж там думать, возвращаться ли домой без Шныри. В кармане лежала сложенная бумажка, хранившая еще одну тайну, которую хотелось разгадать. Кто поможет в этом лучше, чем другие брамины? Потому он, еще раз взглянув на афишу с зубастой чудюдой, последовал за Вадимом к пропускному пункту. Барыга лишь поздоровался, а Максимом занялись как следует.

Местная таможня – два шкафа с «калашами» в бронеках с красными нашивками, хмуро глядевшие из-под звездастых касок, подпирали стену у низенького стола. Максим протянул паспорт сидящему. Ни разу не столкнувшись с тварями, он научился бояться людей, неплохо разбирался в них, и сейчас видел перед собой не черта рогатого, а старого пердуна в склеенных очках, уж больно неуловимо напоминавшего кого-то.

– Ну-ка, молодой человек, поведайте нам цель вашего визита, – скорее приказал, чем спросил «таможенник».

Макс не очень-то верил страшилкам о коммунистах и товарище Москвине, но хрен бы его знал... А этот в очках, зануда. Такой же дотошный, как консьерж в их доме на Знаменке.

– Транзитом на Библиотеку, задерживаться у вас не буду.

– Отчего ж не задержаться, – внимательные глаза кольнули Макса поверх очков. – У нас есть на что посмотреть.

И есть, кому посмотреть на тебя... В точности тот консьерж, Максим даже попытался вспомнить поподробней его лицо, но нет, тому старику должно быть сейчас лет сто с лишком, столько не живут.

– Сумочку на осмотр предъявляем... – старый энкавэдэшник кивнул на тощий рюкзак, – наркотики, контрабанда?

– Вши считаются? – Макс щербато ухмыльнулся, но дедок на подколку не среагировал. Зато потертая колода с голыми бабами вызвала сомнение, протокольные брови осуждающе сошлись к переносице. – Азартные игры запрещены!

– Понял, не дурнее табуретки. А на щелбаны сыграть можно?

– Тоже нежелательно. Оружие сдайте на хранение, у нас хорошая служба безопасности.

Вот это точно! Интересно, по всей Красной линии так или только здесь? Старик еще раз пролистал его паспорт, потер пальцем штамп прописки и с видимой неохотой шлепнул визу. Максим прочел: «Проспект Маркса».

– А вы, дедуль, наверное, еще из тех самых? – старик строго посмотрел него поверх очков, Максим плохо помнил, каких «тех с Лубянки» имел в виду отец, когда, наткнувшись на бдительный взгляд консьержа, напел, поднимаясь по лестнице: «их вырастил Сталин на верность народу», семилетний мальчик в таких тонкостях еще не разбирался. – Из старой гвардии. Которая умирает, но не сдается.

– Молодой человек, в свое время за такие шутки и намеки... Идите уже отсюда. Я, конечно, знаю, что на Китай-городе вежливость не в ходу, но не до такой же степени!

Максим отошел от стола и оглядел тесноватую с массивными колоннами станцию: куда бы приткнуться, чтобы не чувствовать на себе взглядов, похожих на снайперский прицел? Тут и выпить-то боязно, нальют самогона, а потом будут пьяный бред на бумажку записывать. Он слышал о таких фокусах новых «кэгэбешников», от старых они ничем не отличались.

– Бывал здесь? – поинтересовался Вадим, заметив, что Максим не сильно удивлен.

– Да жили мы до войны тут недалеко.

– Блатное местечко. Метры просто золотые, – как-то со значением протянул барыга, смотрел уже по-другому, прикидывая, что за семейство имело недвижимость с видом на Кремль.

Большим богатством жилище Максима не отличалось, и если бы крупному научному деятелю не выделили в свое время квартиру в старом доме Староваганьковского переулка, одном из немногих, не превращенном в офисы, то вряд ли эти золотые метры могли бы стать собственностью Белявских. Но не рассказывать же про деда-ученого, который, разъезжая в постоянные командировки, когда-то определил сына в Суворовское училище... То же спустя многие годы ожидало и внука, мечтавшего о военной карьере, а вместо этого служившего в «быках» китайгородского Короля.

Вадим, казалось, готов был уже привычно спросить, сколько метров было в квартире, какой этаж и сделан ли евроремонт... И спросил бы, но за спиной вдруг послышался очень знакомый визг и мужской мат, Максим обернулся и увидел, что сапог охранника придавливает к полу Симку, а сам охранник держится за прокушенную руку. Огоньки в глазах сестры отсвечивали красным, Максим бросился к ней, пока никто не заметил, что девчонка не просто нелегал, а то одной депортацией не отделается!

– Че творите, волки?! Она ж ребенок совсем! – Макс кинулся на подмогу сестре, но в грудь уперся ствол «калаша» одного из охранников.

Старичок как-то слишком ловко для преклонного возраста вывинтился из своего закутка со столом, подал знак «шкафу» отпустить девочку.

– Это ваша знакомая?

– Моя сестра. Оставьте ее в покое, ей еще и пятнадцати нет!

Подозрительный «чекист» просто буравил взглядом их обоих, не находя внешнего сходства.

– Мне кажется, Максим Анатольевич, что вы говорите неправду.

Во дает дедок! Пень старый, а память профессиональная, имя-отчество запомнил.

– По отцу сестра, – как только эта балбеска сюда пролезла-то, ну, Симка, держись! Только бы сейчас от кэгэбешника отвязаться. – Отправьте ее домой, ей тут делать нечего, она просто за мной, наверное, увязалась.

– Кто она?

– Олешко Серафима Анатольевна.

– Так и держите ее крепче, пока еще кого-нибудь не покусала.

Это еще вопрос, кто кого крепко держал: Симка вцепилась в его одежду так, что разжечь ее пальцы пришлось бы железным ломом, Максим боялся, что кто-нибудь обратит внимание на странные глаза сестры, но она крепко зажмурилась и спрятала лицо под его курткой, так казалось безопаснее. Оно и к лучшему. Здесь не Китай-город, никто ее защитника слушать не будет, при самом удачном исходе дела выведут обратно в переход и дадут пинка для скорости. Помощь пришла, откуда не ждали, Вадим протянул Максиму его мешок и обратился прямо к старику:

– Михалыч, прояви уважку к корешу, шлепни этой сестре визу хоть на лоб, но пропусти. Полезный товарищ оказался. Отойдем, перетрем это дело...

Максим еще не успел прийти в себя от неожиданного появления Симы и грозивших ей неприятностей, но кажется, немедленного ареста удалось избежать. О чем же собрались договариваться между собой типичный брателло и чекист старой закалки Михалыч? Рамзес что-то доказывал своему оппоненту, тот сомневался. Наконец, Вадим вернулся с красным лицом, но довольным видом:

– Все, отбил твою телку! Пусть остается.

– Как остается?! – Максим намеревался отправить девчонку домой, пока приключений на свою голову или иные места не схлопотала, и уж точно не входило в планы разыскивать брамина вместе с ней.

– Одну ее пошлешь? – недоверчиво прищурился Рамзес.

Максим как следует встряхнул сестру за плечи и шлепнул по рыжей макушке, но символическое наказание ничуть не испортило ей настроения. Девочка отлично понимала, что теперь останется рядом с братом, пока ему нет ходу обратно на Новокузнецкую.

– А что я видела...

– Шнырю вперед ногами, – буркнул Максим. Кажется, Симка хотела преподнести ему сюрприз этой новостью и несколько расстроилась. – Лучше бы ты сейчас дома сидела, а не шлялась черт знает где.

– Я же с тобой! – пискнула Симка.

И он тоже черт знает, где шляется... Только взрослому парню это более позволительно, чем сопливой девчужке.

– Ты как меня вообще нашла?

Девочка хитро прищурилась, изображая загадочную мадам со своими собственными секретами. Все тайны раскрыл Рамзес:

– Язык до Сибири, как известно, доведет! Спрашивать умеет получше, чем ты. Может, потому что рожа не такая страшная. Пойдем уж...

Максим растерянно смотрел на Вадима: если его приглашали в гости, то одного, а не с таким довеском. И что теперь делать? Но Рамзес просто махнул рукой вперед, указывая на дверь своих апартаментов.

– Вон в третью арку проходите. Только ноги вытрите.

Предупреждение было не лишним, потому что на мраморном полу за основательной и крепкой дверью лежал ковер. Серафима остановилась на пороге, боялась ступить на расписную и мягкую шерсть. С той стороны на них разъяренной фурией глядела хозяйка дома, явно настроенная против гостей и лишней грязи. Максим, не настолько впечатлительный, без церемоний зашел в дом, хоть и ему стало не по себе от роскоши, неожиданной для Красной линии, считающейся обнищавшей и голодной. Видно, так жили далеко не все, потому что Вадим быстро заскочил внутрь и захлопнул дверь за собой.

– Галочка, у нас гости.

Тетка смерила гостей оценивающим взглядом, не пропустив ни одной детали, от растрепанных косичек Симки и до старых бесформенных штанов Максима. Парень уверенно расположился посреди ее гостиной, широко расставив ноги в перепачканных берцах, как моряк на палубе, и закрывал плечом девчонку, слишком молодую, чтобы с ней спать, но слишком взрослую для дочери. Впрочем, чего только на Китай-городе и в Треугольнике не увидишь, а муж мог притащить эту парочку только оттуда или, что еще хуже, с Шаболовки.

– Максим, Серафима, – представил их Вадим. – Жена, Галина. Смотри, Зайка, я тебе такое привез!

– Вижу уж... – Галина с кислым видом присела в кресло с подлокотниками. Максим понял, что чаем тут вряд ли угостят. Как и чем-то другим тоже. Но Рамзес, умасливая супругу,

не забыл о нем, мельком глянув в сторону и подав знак рукой подождать и не дергаться. Серафима за это время немного освоилась и потянулась к безделушкам на полках. Максим дернул ее за подол рубашки, перешитой из его собственной, теперь заменявшей сестре курточку-ветровку.

– Не лапай. Хозяева обидятся.

Сестра плохо понимала, чем может обидеть искреннее восхищение красивой обстановкой, и вообще, она же потом на место поставит! Сама не дура, с понятием, что тут не на Китае, и воровать нехорошо. А слово «бесцеремонность» ей не было знакомо в принципе. Максим вздохнул, отметив для себя еще одно упущение в воспитании сестренки. Вдруг повезет, и за приличного человека замуж выйдет? Стыда не оберется... Хотя какой тут «вдруг»? Точно, не хотел бы он для девчонки такого парня, как Шныря. И даже как сам пахан. Глядя на воркующего Вадима и оттаявшую радостную Галину, Максим отчетливо понял, что пора и об этом подумать, пока еще не совсем поздно. Не все же о браминах размышлять! Еще одно не давало покоя и шевелилось внутри смутным подозрением: не просто так их сюда позвали, да еще с Симкой, которая ни в какой расчет не входила. А расчет был... Несомненно был, Рамзес неспроста обронил на КПП слова «полезный товарищ».

Максим опять одернул сестру, бессовестно глазевшую на роскошную электроплитку в отгороженном под кухню уголке, хотя сам уже неловко чувствовал себя в этих хоромах, скорее потому, что приходилось ждать незнамо чего. И ему, привыкшему изображать недвижимую и не моргающую статую за спиной Короля, это давалось легче. Только Галочка, глянув в его сторону, вздрогнула и судорожно прижала к груди подаренное мужем блестящее ожерелье. Вид, наверное, опять был слишком убедительным, и Максим щербато улыбнулся женщине, стараясь казаться дружелюбным и безопасным. Плохо вышло, да?

– Ну, ты пока обновки рассмотри, а я пойду гостями займусь, – чмокнув жену в пухлую щечку, Вадим замахал рукой, призывая всех выметаться из апартаментов на выход. Симка еще раз оглянулась на пороге, Максим уловил на ее личике сосредоточенное и деловитое выражение, так хозяйка оценивает чужой дом, раздумывая, как бы подобное оборудовать и у себя...

«Пора девчонку замуж готовить, точно пора», – задумавшись, он чуть не сбил с ног мужчину, которого Рамзес приветствовал едва ли не сердечнее, чем свою «зайку». По дряблым, но все еще круглым щекам явно прослеживалось что-то семейное. Только вот взгляд незнакомца ничем не напоминал чуть глуповатый и заносчивый Галин, а забавное сходство с хомяком тут же стиралось самоуверенностью, с которой тесть Вадима протянул руку и представился:

– Леонид Петрович.

– Максим, – погоняло тут выглядело бы не к месту, да и кто знает, как решил отрекомендовать их Рамзес.

Тот быстро рассеял все сомнения.

– Знакомые мои, хоть и с Китай-города, но местные. Точнее, вот этот парень. Жил тут недалеко, – со скрытым значением произнес бизнюк.

Что это меняло, Максим еще не понял, но тесть, похоже, догадался без подсказки. Для порядка познакомился и с Серафимой, повел их куда-то вниз, в служебные помещения станции, откуда вкусно пахло супом. Голодная Симка приняховилась, Макс думал, почему у «красных» не как у людей: все куда-то спрятано, на платформе ни одной кафешки, хоть и тесновата станция Охотный ряд, но где здесь просторно-то? Загадка разрешилась, когда не любящий подозрительной халявы Максим потянулся за патронами, чтобы расплатиться.

– Нет, еда только по талонам. Для своих, – Леонид Петрович лишь кивнул, и тут же, как по волшебству, перед ними возник железный поднос с четырьмя тарелками горячего жидкого супа, куда раздатчица щедро, с «горкой», плеснула из половника добавки. Максим уверенно подхватил порции и следовал за Рамзесом. Эта манера перетирать все дела за столом ему нравилась, приличная жратва ведь лишней не бывает.

Народу в столовой было немного, не шумно, как раз для разговора. Макс взял поцарапанную, но чистую ложку, отодвинул сестре свой маленький кусок серого, жидкого, как клейстер, хлеба и принялся есть, догадываясь, что от вопросов все равно не отвертеться.

Вадим пока в нескольких словах пересказал его историю о розысках неизвестного брамина, отдавшего богу душу на бандитской станции. Опасения смотрящего Леонид Петрович вполне разделял, но не помнил, чтобы по Красной линии бродил неучтенный житель Полиса, да еще и принадлежащий к одной из двух главнейших каст их высшего общества. Незамеченным здесь никто не оставался, Максим уже успел это понять.

– Знаете ли вы историю, Максим? – поинтересовался явно авторитетный тесть Рамзеса.

– Ну... Про Наполеона слышал. Еще про Древнюю Русь немного и про Отечественную войну, – на самом деле, в истории он разбирался получше, но не следовало рассказывать всем об этом – и так дома люди смеялись.

Тут тоже его познания почему-то вызвали смех, уже собирался обидеться, но понял.

– Нет, так глубоко копать не надо! Я говорил о последних десяти годах. Так и просидели их на Китай-городе?

– Вообще-то на Боровицкой жил, – буркнул немного обиженный Максим.

– Что неудивительно, если вы местный... Но войну за Площадь Революции только понаслышке знаете?

Максим кивнул. Он и понаслышке-то не очень... Отец к тому времени уже умер, а Роман Евгеньевич не особенно интересовался, что происходит у «красных», и воспитаннику не рассказывал. Свои бы проблемы с соседней платформой разгрести, своя война шла... Затяжная, долгая, и о ней, похоже, этот любитель истории тоже не ведал.

– Наши войска очень долго штурмовали эту станцию, и безуспешно, потому что ее поддерживал Полис. Через туннели, ведущие прямо к Охотному ряду, перебрасывали свежие войска и боеприпасы, трудно победить противника, который постоянно получает подкрепление. Да не пытайтесь вспоминать схему метро, вы не найдете тех путей. Туннели, когда-то связывающие станции, давно уже использовались как технические, мало кто знает о них. И еще меньше людей в курсе, что этот узел, где мы находимся, связан со станцией Александровский сад. Что-то сохранилось, что-то засыпано. Неужели вы не помните ничего, связанного с этими станциями?

Максим хотел возразить, что туннели закрыты давно, и вообще он не метростровец, чтобы знать о секретах подземелий... Но что-то удержало, и вместо недоумения лишь многозначительно ухмыльнулся. В конце концов, из этого старика можно вытрясти что-то посущественней тарелки жидкого грибного супчика. Потому ответил:

– Помню. Помню, когда торговый центр под Манежной строили, один туннель разобрали, строить мешал, там как раз подвалы... Сам не видал, конечно, не родился еще даже.

Леонид Петрович с довольным видом переглянулся с зятем. И было похоже, что именно этого они и ждали. Максим пихнул Симку ногой под столом. Та, не слишком разобравшись в сути дела, кивала, будто и сама знала доподлинно!

– Вот, отец, я же говорил! Полезный товарищ... Местный – раз, не кретин полный, в отличие от ихней шантрапы, – два, – Вадим загибал пальцы, что-то доказывая «отцу», который на вид был почти ровесником. – «Легенда» чистая, и ксива в порядке. Мне б сгодился под Манежную площадь...

– Да подожди ты со своими делами! – как-то привычно отмахнулся Леонид Петрович, внимательно изучая Максима.

– Да я разве только для себя? Для Галины!

Рамзес обиженно отвернулся, его не желали слушать, а ведь казалось, что он так удобно все устроил. А Максим начал что-то вспоминать... В Полисе, который так еще не назывался в первые годы после войны, они с отцом обошли почти все закоулки. Наверх еще ходу не было,

но эти, близкие к путям эвакуации государственных лиц, станции не бедствовали. Конечно, президента и правительство не вывозили из Кремля в голубом вагоне среди простых смертных... Хотя, кто знает? Отец говорил, что спрятаться легче всего среди толпы.

Но и без Метро-2 хватало разведанных подземных ходов, предназначенных для военных. Арбатская чуть было не стала закрытой территорией, но людей оказалось слишком много, их пришлось где-то разместить... И военные быстро всосались обратно в свои тайные норы, откуда и появились в таком множестве, эвакуировавшись из Министерства обороны. Засекретились, закрылись КПП, все же помогая гражданским. А те, довольные пайком, припасенным в спецхранилищах, не бунтовали, потихоньку собираясь в свои кланы, которые позже назовутся кастами... Это и другое сумел прочесть в глазах Белявского Леонид Петрович. Меньше надо было трепаться, но теперь уж не исправишь. Симка грызла сушеный гриб, не понимая, что брат, сам того не желая, разболтал слишком много.

– На Боровицкой жили... – уточнил Леонид Петрович, подтверждая догадки.

– Мы вместе со всеми в метро спустились. Отец хотел нас с мамой забрать, у них же инструкции были, знал, куда идти, и если в панике не бежать, все можно успеть.

Нельзя только дозвониться до жены, которая отключила телефон... Где она была, с кем? Максим и не спрашивал, сам догадывался, что у родителей не все гладко.

– И хорошо знаете станции изнутри и снаружи, – вопросительно выгнул кустистую бровь Леонид Петрович.

– Знает! – без предупреждения вдруг заявила Сима. Макс немало рассказывал про подземный торговый центр, где таскался вслед за матерью во время шоппинга не реже раза в неделю. Потом вот пришлось припомнить, что видал, порадовать сестренку рассказами о довой жизни и шмотках, какие женщинам носить положено. Галина-то и не забывала, стараниями мужа выглядела отлично. Только почему Рамзес ездит за этим добром на Шаболовку? Что-то не складывалось.

– Все, что было когда-то закрыто, можно открыть заново, – загадочно выразился Леонид Петрович.

– Правильно, взрывчаткой или еще чем! – встрял нетерпеливый Рамзес. – Ходы неглубокие, схлопнуть грунт внутрь, всяко пролаз останется... Только бы знать, где именно работать.

Тесть чуть не испепелил взглядом Вадима, так некстати забежавшего вперед в своих рассуждениях. Огляделся по сторонам, никто не подслушивал. Да и побаивались люди садиться рядом с ними, если столовая наполовину пуста, и свободных мест хватает. Только раздатчица, неведомо когда успевшая повязать чистый фартук, подошла поближе, чтобы угодить со спецобслуживанием.

– Чайку нам еще принесите, пожалуйста, Наденька. Ну, и графинчик... – вздохнул он, обернувшись на страдающего Рамзеса, который был явно не против опрокинуть пару стакашков с дороги. – Максим, если вы помните, туннели от Площади Революции к Полису теперь настолько надежно перегорожены боевыми блокпостами, что и крыса без документов не проскочит. А вот перерезанный при строительстве туннель никто не охраняет. Мы это точно знаем, потому что наши люди все уже развели. Полис перенаселен, и этот тупик не пустует, не завален и не закрыт блокпостом. Осталось найти вход в него, правильно соображает Вадим: взорвать – и дело сделано. Вряд ли получится тихо его вскрыть, слишком капитально отделен метрополитен от подземных строений. Но для этого нужно точно знать место, а добыть схемы этого участка нам никак не удастся.

– Понятно, взрывчатки не хватит гадать и сносить половину площади... – Максим поскреб затылок, соображая, что мужик задумал херню, но выполнимую. Только не понял, почему это до сих пор не сделано каким-нибудь героем, недостатка в которых Красная линия вроде не испытывала.

И Леонид Петрович объяснил, что пришлось надежно отгородить станцию, раньше связанную с торговым комплексом, потому что стало появляться странное радужное сияние, будто вытекающее откуда-то из древних подвалов. Сколько ни блюли секретность особы с Лубянки, все равно люди как-то догадались, а скорее, услышали от заезжих сталкеров. И теперь или не решаются сунуться с разведкой в те места, или не возвращаются, чтобы рассказать, что видели. Максим подумал, что, наверное, местные герои-разведчики не всегда погибают, просто не спешат назад, пропадая без следа не от одной только опасной аномалии, а скорее из-за близкого Полиса.

Но как бы ни было на самом деле, руководители станции, к числу коих принадлежал Леонид Петрович, крышующий зятя-фарцовщика, так ничего и не узнали о желанном подземном ходе. Максиму предложили отправиться туда и еще раз попробовать поискать замурованный туннель, пообещали даже выдать какое-то секретное оборудование, которым можно обнаружить пустоту за стеной. И такую ценность не доверят кому попало, потому сопровождать Белявского будут «сталкеры в штатском», заодно охраняя его жизнь.

– А для дополнительной гарантии девочка пока останется здесь, – добавил всемогущий тесть.

Так вот почему Рамзес взялся решать проблемы с блоkpостом... У него и собственный интерес был: давно облизывался на товары под Манежной площадью, до которых нельзя добраться кратчайшим путем из-за перекрытой и опечатанной гермы.

– А чего я-то? – попытался возразить Максим, недовольный, что его посылают, куда Макар телят не гонял, и уж тем более – условием насчет Симки.

– Очень просто, вы местный житель, а их тут крайне мало, центр города был «населен» офисами, если помните, и никто толком не знает, куда идти. А у вас получится не заблудиться и быстро сбежать, когда увидите настоящую опасность. Лучше повторить попытку еще раз, чем рисковать всем, у вас должна преобладать разумная осторожность. Вряд ли человек вашего статуса начнет сражаться с тем, что толком и не видно и победить нельзя!

Максим мысленно перевел запутанный «статус» на более человеческое: бывалый браток в кипеш зря не полезет, но и не забздит. Не стал быка врубать, еще и делая вид, что не понял. Только дело все равно выходило мутное.

– Девочка здесь не останется. Все равно никаких гарантий, что не сдохну. Что тогда с ней делать будете? И сестра мне там пригодится, она... это... аномалии видит!

Симка переглянулась с братом, понимая, что он решил больше не бросать ее одну. Лучше уж погибнуть вместе, чем остаться без единой родной души и защитника. Потому она открыла глаза пошире и пострашнее, заслонившись от света ладошками, сияя зелеными отраженными огоньками. Рамзес дернулся даже перекреститься, тесть с каменным лицом остановил, напоявив, что партийному верить как-то и не положено. Сам внимательно присматривался к девочке, потом протянул руку Максиму.

– Договорились. Пока готовится группа для вашего сопровождения, отдохайте и вспоминайте как следует подземелье... Думаю, вы давно там не были, а со временем много изменилось.

Даже страшно представить, что теперь творилось в переходах под Манежной площадью. Залитые водой и грязью коридоры и магазины должны быть похожи на ад, а многое наверняка обрушилось от взрывов. Хотя по рассказам сталкеров, Кремль стоял нерушимым до сих пор, а до его стен там рукой подать.

Радужного тумана Максим тоже боялся, но надеялся, что сможет вовремя сбежать вместе с сестрой. Та не видела аномалий, конечно, но вот любую опасность уроженец Китай-города чувствует жопой и за три версты, потому шансы выжить были неплохими. А со «сталкерами в штатском» он что-нибудь на месте придумает.

Серафима начисто выскребла миску с супом и устроилась подремать, положив голову на руки. Только стук чашек и графина заставил встрепенуться. Леонид Петрович сам налил по стаканам самогон, а девочке достался в полное распоряжение весь заварной чайник. Она быстро опустошила его, чай оказался очень вкусным, спецобслуживание и тут не подвело.

Максим поднял стакан, куда деловитый партиец плеснул лишь на доньшко, и тоже опробовал социалистический продукт, ни с кем не чокаясь, без церемоний. Понравилось. Леонид Петрович ожидал чего-то иного, но Рамзес с усмешкой пожал плечами: это вам не ЦК и протокольные мероприятия! Чтобы немного замять дело, Максим принялся объяснять устройство торгового комплекса, но его остановили.

– Наденька, бумагу и карандаш...

– Сию минуточку! – тетка шустро рванула куда-то к выходу, видно, бумага в обычное меню столовой все же не входила.

А Максим начал пока объяснять на словах:

– Под площадью, на самом деле, не три этажа, а пять, вниз попасть можно было на служебном лифте. Тот, который для публики, прозрачный такой, ниже не спускался.

Вадим оживился, наконец, услышав что-то новое и дельное. И с интересом уставился на бумажку, где парень уверенно расчертил прямоугольник, пересеченный пунктиром множества торговых галерей.

– Я внизу не был... Но знаю, что там именно так устроено. Может, и лестницы где есть. Ближе к Кремлю ходить не придется – туда строителей спецслужбы не пускали, свои дела, свои секреты охраняли. И все техническое хозяйство по Моховой идет, – к прямоугольнику добавилась полоса улицы сбоку. С другой стороны Максим нарисовал пару звездочек для обозначения Кремля. – Вот тут кондишены жужжали, вентиляция, значит... И остальное где-то рядом расположено. Надо будет сюда пройти и поискать лифт, если шахту не завалило. Метро-то, хоть и неглубокое, но явно пониже будет.

Леонид Петрович одобрительно кивнул, забрал рисунок и, пообещав скоро решить вопросы с вооруженным сопровождением, ушел.

Максим смотрел на Рамзеса, все еще остающегося за столом, бизнесмен без контроля тестя хитро поглядывал и явно собирался поговорить о чем-то кроме подземных ходов, Полиса и прочей скучной политики.

– А мне бы «котлы»... Ну и вообще, погляди, что там и как, сам поймешь, что подороже окажется. Надоело таскаться за тридевять земель! Под боком богатство лежит, станция напрямую с ним контактит... и герму даже на минуту опустить бояться. Как будто к ним сразу и залезет этот туман, может, его и вовсе нет.

– Разберусь, когда сам увижу. – вздохнул Максим.

– Вот-вот, я обычно только своим глазам верю, а не тому, что сто лет назад первые сталкеры понарасказывали. Они там и безголовых мутантов видели, и библиотекари вроде как монстрами стали и книжки берегут. В общем, поищи часы, хороший товар даже сейчас. Я тебе дозиметр дам, чтобы дерьма не притащил. Помнишь, какие надо-то?

– Помню, – буркнул Максим. Магазины часов оказались единственными, где тогдашнему мальчишке было на что поглядеть, – это не тряпки с бирюльками, вещь серьезная. Хотелось когда-нибудь носить такие же, даже и примерить, но выложенные в витрине блестящие кругляши превосходили шириной тонкое запястье.

– Сеструху зря с собой тащишь... Оставил бы, я бы позаботился.

Взгляд заботливого Вадима очень не понравился, если и были сомнения, стоило ли рисковать, теперь и они исчезли.

– Она многое видит...

Судя по всему, Симка сейчас видела какой-то сон, беспокойный и малоприятный. Но ее необыкновенные глаза, которым и тьма туннеля не препятствие, действительно помогут обоим уцелеть в опасной вылазке.

– Вот откуда ты все знаешь? – любопытствовал Рамзес, вытряхивая в свой стакан последние капли из графина.

– Люди рассказывали, – уклонился от прямого ответа Максим.

Рассказывал отец, давно, еще задолго до войны, когда маленький сын интересовался подземельями просто так, не думая, что когда-то придется поселиться в них навечно. Обнаружив в шкафу у жены новую вещь, подполковник Белявский-старший хмурился, Максиму хотелось отвлечь отца, вот и расспрашивал. Смутно ощущал, что папа недоволен вовсе не лишними тратами денег, а чем-то другим. И понял через много лет, что мама ни разу не надела этих нарядных платьев дома, хоть и говорила, что это для отца хочет выглядеть красивой и модной.

А гулять там приходилось часто. Еще совсем мелкому Максиму нравилось кататься на лифте, это не надоедало, и он просто оставался в стеклянной кабине, то поднимаясь, то опускаясь, разглядывая покупателей и наблюдая, как проплывают мимо мраморные перила галерей. Отец знал многое и умел об этом рассказать так, что простой магазин вдруг становился чем-то большим, за его стенами вдруг обнаруживались скрытые ото всех переходы, а пространство под Кремлем представало воображению таинственными катакомбами, построенными еще при Иване Грозном и приспособленными новыми президентскими опричниками под свои нужды...

Теперь предстояло на самом деле увидеть это все, Максим надеялся, что отцовские рассказы окажутся правдой. Снова будто невидимая ладонь откуда-то из далекого далека легла на плечо, теплая и ободряющая. И он сам тронул рукой разоспавшуюся сестренку.

– Вставай, Симка, уходить скоро.

– Куда? – она по-детски потеряла глаза кулачками.

– Отсюда. Так что смотри, что не успела, кто знает, вернемся ли?

– А куда вы денетесь? – расплылся в улыбке уже немного пьяный Рамзес.

– Сдохнем, например.

Рамзес в ответ лишь испуганно икнул.

Глава 4

Подземелья и поверхность

После беседы в столовой навязываться опять в гости к Вадиму не хотелось, и без его Галины тошно. Скамеек на платформе отчего-то не оказалось, даже в такой мелочи у «красных» было не как у людей. В ожидании вечера, усевшись прямо на пол, от нечего делать они вдвоем с сестрой не меньше часа играли в очко на щелбаны прямо под неодобрительным взглядом особиста с КПП.

Симка отвлекалась на прохожих, то спускавшихся в переход на Театральную, то поднимающихся по остановленным эскалаторам, отгороженным красивой дугой кованых перил. И потому проигрывала, не успевая мухлевать с колодой, как обычно. Гибкие девчоночьи пальцы с этим справлялись лучше, да и Катала научил.

Старый чекист Михалыч недовольно морщился под очками, но поскольку жителей станции в игру не зазывали и не пытались обмануть, помалкивал. А может, и Рамзесов тесть успел распорядиться не трогать, кто ж знает? Отсидев всю задницу, Максим решил размять ноги, и, подхватив сестру, поволок за собой.

– Макс, ну подожди! – крепко задумавшийся, он не отпускал ее руку, Симка уже намеревалась даже завязжать, как в детстве.

– Чего тебе?

– До параша... – тихонько призналась сестра.

– А нечего было чаем надуваться! Иди уж. Только «параша» дома, на Китай-городе, осталась, тут туалетом называют. Будешь людей спрашивать – не перепутай!

– Ладно, поняла.

Девочка убежала, и Максим не боялся, что потеряется. Заблудиться тут попросту негде, дальше платформы чужаков не пускали ненавязчиво бдительные стражи порядка, а небольшую станцию они уже обошли не меньше пяти раз. Основательные широкие колонны и жилища, устроенные в арках, не оставили места для прогулок.

Изучив по кругу все закоулки уже в десятый раз, Максим снова уселся на пол и, опершись спиной об стену, стал наблюдать за местной жизнью. По метровремени наступил вечер, народу заметно прибавилось, видно, рабочий день закончился, и публика валом повалила вниз по лестнице смотреть на танцующего стигмата или еще какую редкостную пакость. Время шло, Симка все где-то шлялась, как всегда суя свой любопытный конопатый нос в чужие дела.

Максим от безделья стал считать плитки на стене, как вдруг жидкий ручеек неспешных прохожих, сгрудившись плотной колонной и чуть ли не чеканя шаг, заспешил к выходам. На КПП тоже засуетились. Михалыч несколько раз протер очки, стал убираться на столе, перекладывая с угла на угол пухлую тетрадь; шкафы-охранники, лениво подпиравшие стены, вытянулись в струнку, став выше как минимум на целую голову.

По залу пронесся шепот: «САМ ИДЕТ!»

Максим проследил, куда все уставились, и повернул голову к застывшим эскалаторам: по обшарпанным ступеням неспешно и как-то степенно спускался лысый, гладко выбритый и весь какой-то округлый мужичок.

В воздухе повисла звенящая тишина, только было слышно потрескивание светильников да кем-то сдерживаемый кашель.

Макс усмехнулся пришедшей мысли: «Купец с Ганзы, коммунист с Красной линии или браток с Китай-города, идеология или понятия – один хрен, перед «бугром» все метут хвостом одинаково».

Начальник тем временем спустился на платформу, одернул отутюженный «с иголочки» оливковый мундир без погон, блеснув круглыми очками осмотрелся вокруг, задержал взгляд на сидящем Максиме, поморщил хрящеватый нос и, поскрипывая хромовыми сапогами, направился через застывший на вдохе по стойке «смирно» КПП. Следом, бухая говнодавами, потянулись бойцы в бронеках, касках и с автоматами.

Процессия скрылась из виду, вся платформа будто разом вдохнула-выдохнула, вахтер Михалыч плюхнулся на стул, вытирая трясущимися руками лицо, а охранники, расслабив пузья, оперлись об стены – станция снова загомонила, зажила прежней неспешной жизнью. Максим потер ноющее пустотой брюхо: жидкий грибной суп давно рассосался. Хотелось жрать, правда, никто особо и не предлагал, а купить что-то за патроны в этом социалистическом раю попросту негде.

– Пройдемте, товарищ... – довольно вежливо попросил незаметно появившийся за спиной охранник КПП.

– А чего надо-то? – насторожился Максим, незаметно сжав в кулаке скользнувший из рукава верный кастет, и приготовился, если что, аккуратно тукнуть этого дохляка в висок.

– Леонид Петрович просил найти и привести, в ваших же интересах, говорит.

– Меня сестра тут искать будет, – Серафимы пока не было видно, и уходить куда-то без нее не хотелось.

– Ее тоже приказано найти, не беспокойтесь, гражданин Белявский.

Беспокоился Максим вовсе не об этом, а боялся одного: что ему не поверили и все же разделят с сестрой, оставив ее заложницей на станции. Сделать он все равно ничего не мог, потому последовал за охранником в конец платформы, через запретные до сих пор для чужих двери и коридоры, узкие – вдвоем не разойтись. И неожиданно оказался не в кабинете, а в каком-то холодном помещении с сырыми бетонными стенами, крошащимся давно не ремонтированным полом.

«Приплыли...» – мелькнула мысль о ловушке, и Максим уже собрался врезать локтем под дых коварному сопровождающему... Но увидев на лавке сложенные ОЗК и шесть противогазов, расслабился: похоже, что Леонид Петрович все-таки купился и действительно решил отправить экспедицию в ближние подземелья. Пронесло.

Следом в комнату набилось еще четверо мужиков: скучковались в дальнем углу, шушукаясь о чем-то, искоса поглядывая-оценивая. Чисто головорезы, особенно длинный с коробом за спиной и шрамом через всю морду.

«Ну, суки-вертухай, сталкеры, бля, в штатском, поглядим, кто кого», – недобро прищурился Макс, рассматривая спутников одного за другим. В комнату ввалился запыхавшийся Леонид Петрович, ведя за собой Серафиму. Максим еще раз пересчитал собравшихся, вышло, что если сам партийный чиновник сдуру не возглавит группу, то и девчонку отправят вместе со всеми.

Тщательно закрыв за собой дверь, Леонид Петрович оглядел компанию, чуть задержавшись на мрачноватом лице Максима, и достал рисунок, сделанный недавно в столовой. Кто-то уже успел дополнить его новыми штрихами, наверное, не доверяя пришлому братку, спросили совета еще у кого-то. Но и лишних людей в тайну посвящать не решились, иначе группа была бы намного больше. Опытный руководитель первым взял слово:

– Не буду долго говорить, задача всем ясна... У нас есть проводник, – тут Леонид Петрович указал на Максима, протягивая ему на ладони заодно и ранее отобранный ТТ с запасным магазином, – есть два измерительных прибора. Девушка, которая видит аномальные явления, и георадар для обнаружения пустот в стенах. Охранять особо, вернуть в целости и сохранности. Если возникает опасная ситуация – возвращаться немедленно! На посторонние задачи не отвлекаться.

Максим снова поймал многозначительный взгляд и понял, почему Вадима сюда не пригласили. Товарно-денежные интересы зятя волновали чиновника в последнюю очередь. Но дозиметр уже лежал в мешке, а о «котлах» Максим и без инструктажа отлично помнил. Дальше не слушал – все равно это не курсы молодого сталкера, зарядил пистолет и переместился поближе к сестре. Ей-то как раз было любопытно. Но от беседы увильнуть не удалось, Леонид Петрович взял его за локоть и отвел в угол.

– Я уточнил глубину туннелей, искать его вам, скорее всего, придется на нижних уровнях. Ну, на месте будет ясно, пока я обозначил тут цифры. И удалось достать прибор, а также найти человека, который умеет с ним обращаться.

– Если у вас столько информации и оборудования, почему тогда раньше ничего не нашли? – со смешком спросил Максим.

– Потому что иногда лучше поверить незнакомцу, не заинтересованному в деле, чем своему, который в любой момент воткнет нож в спину, – без всяких экивоков заявил опытный в интригах партиец. – В наш успех или неудачу в равной степени будут посвящены только те, кому положено. А тайна – это именно обоюдоострое лезвие, способное нанести вред как противнику, так и своему владельцу. Помните об этом, молодой человек, в жизни пригодится.

– Я запомню, – собственные нераскрытые тайны тоже скреблись потихоньку где-то внутри и просились на свет. Пришлось попросить их успокоиться и немного подождать. Полис совсем близко.

– Мы не удержали в своих руках Библиотеку, хотя получили саму Площадь Революции. Позиционная война – война ресурсов, а не боевого духа, – вздохнул Леонид Петрович. – Товарищ Москвин, может быть, и оказался прав, подписывая соглашения и заключая перемирие с Ганзой... Но теперь мы подготовимся более тщательно. И молниеносный удар наших войск наконец-то изменит карту метрополитена! Империалистическим акулам еще самим придется просить мира у нас!

«Эк тебя занесло-то...» – думал Максим, глядя на красного комиссара, у которого в глазах все еще горел огонь прошедшей войны, и он был не прочь развязать ее снова. Старый вояка не признал поражения и все эти годы мечтал о реванше. «Вот зачем тебе торговый центр! Ясен пень, не часы, как у Бонда, захотел и не цапки для доченьки – чтобы весь Полис сразу раком поставить. Как говорится, мне бы шашку да коня, и на линию огня – свербит у нынешнего босса в одном месте обида на тот сходняк паханов. Видно, забыли позвать и мнение спросить».

– Разумеете, нанесете на карту точные замеры и принесете ее мне. И будьте осторожнее, опасности этого места не преувеличены, а скорее даже преуменьшены. Никто не знает наверняка, что ждет вас за воротами... Но вы хотя бы знаете, куда идти и не станете без толку блуждать по галереям. И вообще, короче путь – быстрее управитесь.

Прямой путь – не всегда безопасный. Эту сталкерскую аксиому Максим выучил давно, пусть и по чужим рассказам. Придется проверить самому. Да и этот... шишка партийная, тоже отчего-то напрямую не пер, тоже сначала принимался, чем дело пахнет. Пахло пока дерьмом.

Максим огляделся, все ждали его одного, даже Симка уже успела нацепить химзу, которую никогда раньше не надевала, видно, мужики охотно помогли! Наконец, группа натянула противогазы и вышла в некоторое подобие шлюза со стальной дверью. И про герму Рамзес тоже сочинял... Но не всем же быть сталкерами...

Тьма по ту сторону будто поджидала, чтобы накинуться на людей, окутывая их плотным коконом, но была тут же разрезана на части и отброшена мощными лучами фонарей. Радугой нигде не сияло, Максим подтолкнул Симку, она покачала головой. Полная темнота оказалась и ей не по силам, но видела девочка намного дальше, чем остальные, хватало даже самого слабого отсвета, чтобы разглядеть коридор.

Группа вышла совсем не там, где торговый центр соединялся со станцией переходами, и потребовалось время на поиски знакомых ориентиров. Оглядываясь и шаря по сторонам

фонарем, Максим обнаружил мраморную лестницу, повел лучом дальше... И уверенно направился вдоль стены.

Под ногами глухо хрустело битое стекло, напоминая звук крошащихся под подошвами черепов, ребер... костей, в общем. От такого сравнения у Макса побежали здоровенные мурашки по хребту. Каждый его шаг сопровождался шумом, разлетавшимся по гулкому помещению не хуже, чем от выстрела – поганое место, как ни крути.

Макс остановился, оглядываясь на спутников, бредущих позади. Бесшумно передвигаться они, возможно, смогут только уровнем ниже, здесь разбитые витрины усеивали пол сплошным ковром осколков. Потрескивание и звяканье от шести пар не в лад шагающих ног сливалось в странный звук, как будто по галерее ползло или катилось чудовище вроде слизняка.

Максим не торопился, осматриваясь, но то ли противогаз достался хреновый, то ли сталкер из Белявского был никакой, но стекла окуляров затягивало белесым при каждом выдохе. Он, сам того не замечая, норовил стянуть маску, чтобы протереть мутные кругляши. Ни беззаботно скачущая сестра, ни угрюмые сталкаши-вертухаи, видимо, таких неудобств не испытывали.

Симка, снующая чуть поодаль, вдруг бесстрашно нырнула в разломанное окно, перескочив грязные тряпки на полу и поваленный манекен. Красные сталкеры чуть было не попрыгали вслед за ней, приняв девичье любопытство за специальный маневр. Максим посветил внутрь: сестра уже вертелась перед зеркалом, приложив к себе поверх мешковатого грязно-зеленого комбеза какую-то одной ей видимую шмотку.

– Иди сюда! – возмущенное бормотание брата сквозь противогаз заставило ее вернуться в строй. – Смотри...

Лучи беспорядочно забегали по стенам прямой галереи, выхватывая то свисающие с потолка осколки светильника, то изломанную раму витринного окна, то лежащие на полу предметы, в которых даже отсюда без труда угадывались трупы.

– Там! – от ее вскрика все четыре автоматных ствола синхронно дернулись в поисках невидимой мишени, бойцы рассыпались по сторонам, заняв позиции: двое залегли на пол, рискуя изрезать комбезы, остальные попрятались, уложив ствол на плечо манекена и выпцеливая впереди нечто... но стрельбы не последовало.

«Опытные, гады», – с досадой подумал Макс, поводит фонарем, сжимая рукоять отцовского ТТ, и ничего не увидел. Как, впрочем, и ожидал. Потому с раздражением рывкнул:

– Что – там?!

– Ну, часы же... – виновато пробубнила Симка из-под маски, – я помню, как ты рассказывал.

Серафима и в самом деле безошибочно чувствовала опасность, потому рванула вперед, не дожидаясь подзатыльника брата и не слушая мата сквозь зубы от поднимающихся с загаженного крысами пола сталкеров. Проводив взглядом скачущую по темному подземелью девчонку, Максим неодобрительно покачал головой и направился следом за ней.

В ее голове не оживали светлые галереи, не блестели чисто вымытые стекла и не звучала музыка, заглушаемая шорохом множества ног и голосами покупателей торгового центра. Только темнота, грязь и пыль окружали Симку, а рассказы брата оставались всего лишь рассказами. Дитя темных туннелей не испытывало страха перед мраком и неизвестностью. Пришлось Максиму взять себя в руки и вспомнить просьбу Рамзеса. Поискав взглядом витрину с часами, нырнул в полуоткрытую дверь вслед за сестрой.

Конвой из сталкеров в штатском двигался медленнее, с осторожностью, водя стволами автоматов с подствольными фонарями по стенам, потому не успел остановить брата с сестрой, выполняющих совсем другую миссию... Один из охранников зашел в магазин часов, остальные ошетинились стволами снаружи. Без девчонки сразу стало как-то боязно, темнота довольно облизывалась из глубины коридора, выжидая, и прикидывала, кого бы сожрать первым.

– Пацан, ты куда? Леонид Петрович нас не за этим отправлял.

– Да подождет он! – отмахнулся парень, пытаясь понять, куда опять исчезла Симка. Что-то с грохотом обвалилось за приоткрытой дверью служебного помещения, да и догадался на пол посмотреть. Отпечатки ботинок в пыли вели в глубину магазина. – Тут один знакомый попросил... Товар принести. Что нам решат десять минут?

– Знаю я того знакомого... Ладно, договорились. Только быстро! И мне часть товара.

Максим пригляделся более внимательно к предприимчивому сталкеру. Никто не признал его с группой сопровождения, сам он думал, что это ненадолго и ни к чему... И теперь пришлось наверстать упущенное, дело грозило несколько затянуться.

– Ну, пойдем, поможешь. В витрине от пылищи фонит все, вон Симка правильно там роется. Может, и сейф вскрыть придется. Тебя как звать?

– Серый. Сергей, в общем.

У сталкера на поясе был закреплен незнамо где добытый партийным боссом прибор, и если ему доверили такую ценность, дураком вряд ли окажется. Это еще раз убедило Максима, что толковый напарник пригодится. Перед дверями лежал труп, больше похожий на мумию, кожа и мясо давно сгнили, а остатки высохли, обнажив кости и простреленный навывлет череп. Формы на нем не было, значит, не охрана. Или посетитель или продавец магазина. И этот старый жмур Максиму очень не понравился: вдруг сейф почистили еще до них? Луч фонаря нащупал в небольшой подсобке-офисе металлический шкаф и сестру возле него, позвякивающую ключами в замке.

– Где взяла?

– Да вон на кармане... – связка была большой, наверное, многие ключи отпирали витрины и другие шкафы. Серафима пыталась подобрать нужный и уже долго возилась.

Рядом под столом валялся второй дохляк, из его одежды, похоже, и выпала гремучая связка. Максим отодвинул девчонку и взялся за дело сам. Серый стоял в дверях, контролируя вход и поглядывая на группу, чтобы не совалясь, куда не надо.

При свете фонаря Максим выбрал ключи побольше и опробовал сначала их. Дверца открылась, скрипнув старыми петлями. Первым делом парень сунул внутрь дозиметр, стрелка сразу же подпрыгнула, но цифры показались вполне – в среднем по метро – нормальными, и он кивнул Серому. Сталкер развернул клетчатый мешок.

Разбирать товар не стали, понятно, что в сейф не китайское барахло запрятано. Пачки денег и документы не тронули, кому они нужны, для костра только если. Зато коробочек с часами нашлось немало, и себе и Рамзесу хватит. Серый первым вышел наружу и махнул рукой остальным, чтобы шли дальше. Но пока Симка не заняла место проводника, ни один с места не двинулся. Вера в необыкновенные способности девочки укрепилась: нормальные люди без фонарей по темноте не ходят!

Они спустились этажом ниже, сползая по перилам узкого эскалатора. Ступени его провалились вниз, где и лежали среди шестерней механизма бесформенной кучей, украшенной поверх парочкой переломанных трупов. Видно, провалилась лесенка сразу же, когда сверху взрывной волной ударило.

– Не та постройка-то уже была, метро попрочнее оказалось, – заметил один из сталкеров, назвавшийся Саввой, – по пути уже немного разговорились.

– Да вам, коммунистам, лишь бы себе приписать все... И как только весь метрополитен имени Ленина своим еще не объявили? – ворчал Максим, съезжая по поручню и застревая на уже вытертой чужими задницами скользкой резине.

– А надо будет – и объявим! – буркнул Кот, мужик почти двухметрового роста, несущий на себе запас взрывчатки. Группу снарядили как следует, хотя почти все гранаты были самодельными. – Тебе-то что?

– Да насрать, в общем, – Макс чуть привычно не сплюнул сквозь зубы, но вовремя вспомнил, что в противогазе.

Чем ниже, тем больше давил чуть потрескивающий над головой потолок, тьма сгущалась, люди давно не появлялись в ее владениях, неохотно отступала и пряталась в углах, мстительно запорошив лучи фонарей пыльным туманом. И от этого люди двигались будто под водой. Медленно, скованные собственным страхом, пробиваясь всем телом сквозь душащие объятия мрака, сомкнувшегося вокруг. Жалкие светильники в руках и на стволе автоматов резали вязкую, как солидол, черноту где-то впереди, оставляя беззащитными перед таинственными силами, обитающими здесь испокон веков. Чужаки когда-то пришли со своими строительными экскаваторами, потревожив землю, камни и древние подземные ходы, теперь это место наконец-то вернуло себе тишину и покой, не собираясь отдавать завоеванного!

Серафима уже не убегала, смотреть было не на что, stalkеры то и дело задевали перевернутые столы и стулья кафе, вздрагивая от любого неожиданного звука. Здесь под ногами уже не хрустело стекло, люди перестали слышать друг друга, оттого оглядывались чаще, внезапно ослепляя фонарем соседа.

Максим осматривал стену в поисках служебных помещений, идти оставалось недалеко. Холодный воздух быстро поглощал выдыхаемый сквозь клапаны пар, сюда, вниз, стекала вода и замерзала, превращая колонны в ледяные скульптуры. Видно, сейчас наверху была оттепель, снег подтаивал, но глубоко под землей все еще оставалось царство зимнего мороза. Чем ниже и дальше от обогреваемых станций уходила группа, тем яснее Максим понимал: эта первая вылазка ему совсем не нравится.

Обледеневшая колонна сверкнула в луче фонаря будто граненым хрусталем. Только лед и оставался здесь прозрачным, не впитавшим пыль. Максим ощупал колонну, сколы на ней не подтаяли, не оплыли. Не успели. Да и не сколы это были – четыре глубокие борозды располагались почти параллельно на уровне его головы. Растопыренные пальцы его совсем не маленькой ладони не укладывались в царапины громадных когтей. Серафима молча кивнула из темноты, она тоже это видела. Пришлось опустить фонарь, не зря Проспект Маркса отгородился наглухо от этих галерей, не зря!

Радужное сияние, о котором предупреждали на станции, не крошит крепкий лед с такой легкостью, что ни единой зазубрины не осталось, у тумана вроде когтей нет. Мокрый и скользкий пол не сохранил следов. А выше эта тварь, похоже, не поднималась из-за захламленных и тесных коридоров, где ей, видимо, не развернуться. Неизвестность пугала до дрожи, теперь холод забрался не только под комбез, но и в самую душу. Как-то резко расхотелось быть stalkером... Или хотя бы не брать с собой сестру в такие сомнительные вылазки!

Рука плотнее обхватила рукоятку ТТ. Макс-Адвокату не раз приходилось смотреть в лицо опасности, но она исходила лишь от человека. А это мелкая двуногая тварь, ее всегда можно подкупить, искалечить, запугать, убить. Но что сделать с неведомым монстром, обитающим тут, вдруг его пуля не берет?! Весь прежний опыт Белявского казался почти бесполезным, стало страшно по-настоящему. Немного подумав, Максим все же решил не возвращаться назад.

– Найди дверь, – Симка вгляделась в темноту, дверей было много, – на ней не будет ручки. Двустворчатая, скорее всего, стальная. Лифт. Нужно его найти. И это... Не уходи далеко.

Остальные если и заметили отметины на льду, помалкивали. Более серьезно вооруженные и опытные, особенно тот, двухметровый с коробом взрывчатки на спине, могли бояться лишь только за себя. Ведь с ними рядом не было рыжего и конопатого прицепа вроде мелкой сестренки, которую нужно защищать.

– Макс!

– Тише, не ори, не на базаре.

– Это оно? – девочка, наклонив голову с носатой мордой противогАЗа, с сомнением глядела на перекошенную стальную створку и казавшийся бездонным провал за ней. Лифт оказался грузовым, шахта была широкой. Тросов и не достать.

– В точку.

Серый подобрал с пола металлический обломок и пытался поймать трос, Савва посветил вниз, где-то там в глубине и приземлилась смятая кабина. При падении она затянула и трос, потому подцепить его никак не удавалось. Прыгать никто не рискнул, хоть высота не показалась непреодолимой, только искореженные железки могли или искалечить ноги или сдвинуться, придавив самого смелого и неосторожного.

Среди снаряжения сталкеров нашлась и веревка, высоченный Кот уже крепил ее на уцелевших конструкциях двери лифта. Савва, осмотревшись, привычно скользнул вниз, повесив «калаш» на шею и гася скорость ногами. Мягко приземлившись, пропал из виду на несколько долгих секунд, даже свет его фонаря будто поглотила тьма нижних коридоров. Максим стащил капюшон химзы, прислушиваясь. И без того с непривычки ни черта сквозь запотевшие стекла не видно! Теперь отчетливо слышался плеск воды, четвертый уровень подтопило серьезнее, чем третий, но, судя по всему, это не мешало сталкеру быстро передвигаться. Савва появился в проеме и махнул остальным, подавая знак спускаться. Серафима потянулась к веревке, Максим оттер ее плечом.

– Сначала я.

– А если там эта... аномалия? – усомнился Сергей.

– А девчонка тебе ее прям-таки и обезвредит, болтами обкидает? Губу закатай.

Крепкие пальцы обхватили добротный капроновый трос, перчатки немного мешали, но Максим благополучно спустился и тут же повел лучом фонаря вокруг. Дорожки света от потревоженной рябщей на полу воды отвлекали внимание, но никаких сюрпризов пока не обнаружилось.

Он видел эти помещения впервые, хотя группа сопровождения думала иначе, и хотелось рассмотреть... Проверить, так ли оно выглядит, как он представлял себе по рассказам отца. Следов разрушений тут было намного меньше, глубина сохранила эти офисы в почти первоизданном виде, даже пыль с поверхности не проникла. Чего не скажешь о воде, которая, как известно, дырочку найдет. Ноги сразу заledenели, скользили на мокром полу. Отчаянно хотелось вернуться наверх, здесь уже не просто ощущалась смутная угроза от неведомых и невидимых чудовищ, чуйка вопила во весь голос: назад! Но он только сделал шаг на потрескивающие под его весом обломки кабины и скомандовал, чтобы отправляли вниз сестру. Девчонку просто передали ему, как мешок, Кот лег на пол и осторожно опустил ее уровнем ниже, придерживая за руку. Она еще и болтала ногами, пока Максим не перехватил и не отвесил-таки подзатыльник.

– Рядом держись. Сцыкотно тут.

– Базара нет, – пожала плечами сестра. Девочке совсем не нравилась ледяная вода, которая ей доходила почти до колен. И брат, который всегда казался нерушимой стеной, не склонивший голову и перед смотрящим, выглядел растерянным. Не испуганным, нет, но явно сейчас не знал, что делать, Серафима крепко взяла его за руку и повела вдоль стены, стараясь не плескаться слишком шумно бахилами химзы. Остальные быстро спустились и растянулись гуськом по коридору.

Здесь отчего-то не валялись тела на полу, будто место было недавно покинуто людьми и они скоро вернуться. Чтобы снова засветились галогеновые лампы на потолке, теплый воздух вентиляции зашумел в трубах, и коридоры наполнились гулом голосов...

– Теперь куда? – поинтересовался Серый, ощупывая странный прибор, который должен был скоро понадобиться.

– Вперед. В сторону Манежа надо пробираться, туннели проходили между ним и башней Кутафьей. Один под асфальтом упрятан, а второй как раз там где-то в стенку и уперся.

– А откуда знаешь, что не под Кремлем?

– Кто бы дал там строить? Да и речка же в трубе, Неглинка... Затопило бы все.

– И так не сухо! – Серый поскользнулся на льду под водой, оттепель началась недавно, пол затопить успело, а сухие стены еще подернуты изморозью. Максим безотчетно искал на них новые следы когтей и пока не нашел. Но не верил, что ошибся, еще ни разу не выдавший мутантов, он знал, что не все по пьяни врут бывалые сталкеры в баре.

Надоело чувствовать себя под допросом, и чтобы хоть как-то прервать этот бесконечный поток «ну, сколько еще?», он сам пихнул в бок локтем жмущегося к стене Серого.

– Ты мне лучше скажи, как ты пустоту в стене искать собрался? Она же пустота! Не железка, как ее увидишь?

– Вот дикарь! Это же георадар.

– И че? – название мало что объяснило.

– Прислоняешь вот эту хреновину к стене. Она радиоимпульс дает. А по отражению ясно, что внутри.

– И как это?

– Да ну тебя! Стрелка отклоняется – вот и видно. У пустоты плотность другая.

По виду Серого и раздраженному голосу было пока видно, что исследовать на пустоту ему хотелось лишь голову своего собеседника. Но Максима это вполне устраивало. Он только бесцеремонно пощупал чем-то набитый рюкзак сталкера.

– А тут что? Тоже приборы какие?

– Не, это батарейки. Фиговина маленькая, а энергии жрет... Элемент питания у нее такой здоровенный.

Значит, не боеприпас. Это хуже. Серафима остановилась и больше не тянула брата за собой, вглядываясь вглубь коридора. Лучи фонарей уперлись в завал, будто кто-то подвинул самую стенку неровными кусками. Максим разглядел искореженный гипсокартон от перегородок, панели потолка и обломки светильника. Поблескивал неровными рваными краями и упавший сверху короб вентиляции. Группа остановилась посоветоваться. Потом вперед двинулся Кот, на ходу доставая небольшой самодельный заряд взрывчатки.

– Разбирать долго, да и ОЗК попортим. Сейчас быстренько очистим проход, тут не бетон, мусор один, – объяснил Серый.

Строительный мусор выглядел еще и накрепко замерзшим, схваченным льдом не хуже цемента. Максим отступил к ближайшей двери, полуоткрытой, и ощупал стену. Потом для верности постучал по ней кулаком. Потому что если она сделана из такого же дерьма, как завалившая коридор перегородка, то от взрыва не защитит. Но Кот знал, что делал, махнув рукой остальным, чтобы отошли подальше. Заложенный заряд показался совсем небольшим, хотя взрывать что-то под землей сам Максим не рискнул бы.

– Да ладно, ядерные бомбы выдержало – не обвалилось, – обнадежил Савва. – Только уши закрой, оглушит ведь сейчас на фиг.

Кот не спеша отходил, длинный фитиль искрил, уложенный на кучу мусора выше уровня воды. Серафима вдруг сжала руку брата изо всех сил: вокруг бегущего огонька разлилось семицветное сияние... Выползало с той стороны завала разведать, кто же здесь разжег этот непрошенный огонь. Максим тоже застыл и ошарашенно смотрел вперед.

Удивление быстро прошло, будто он давно этого ждал. И наконец-то увидел: посреди коридора возникла человеческая фигура, не в сталкерском комбезе, без противогаза и оружия, и приглушенный голос выскочившего из ниоткуда менеджера в темном костюме доносился, как сквозь вату. Сквозь время... Мужчина не замечал ни группу бойцов, ни бегущий по фитилю огонь, держал возле уха пластиковую коробочку мобильного и разговаривал с каким-

то невидимкой. Максим даже успел удивиться, как под землей телефон сеть берет. Привычный образ из прошлого воскресил и старые привычки – любопытство, неосторожность мальчишки, у которого еще не было никакой сестры, пытающегося проникнуть в неведомые тайны, не думая о последствиях...

Далекий крик: «Макс!» привел в чувство. Ноги странного человека не поднимали волн на поверхности воды, а мрак вокруг не рассеялся, холодные стены подземелья давили, нежилой и покинутый мир оставался таким же мертвым, как и мгновение назад. Только фитиль продолжал гореть несмотря ни на что, отсчитывая секунды.

Сияние разливалось вокруг, Серафима чувствовала, что нужно бежать, оно опаснее любого взрыва! Осколки могут и не попасть, просвистев мимо, а вот эта неведомая сила не ошибается! И никогда не упустит свою жертву.

– Макс! – брат зашевелился и начал оглядываться.

Остальные тоже замерли, но привычно взяв наизготовку автоматы.

– Вот тварь... – зашипел Савва. И короткая очередь, выбивая ледяную крошку, ударила поперх заложенного заряда.

У него-то перед глазами маячил небольшой зверек, с собачьей головой, лишенной привычных мохнатых ушей. Тварь встала на задние лапы, блеснув разноцветной чешуей по всему телу, и, поводя хвостом, приблизилась прямо к сыплющему искрами горящему шнуру. Сталкер успел подумать, что происходит вовсе невероятное... Все животные боятся огня!

– Сейчас фитиль выдернет! Ложись, все! – Кот как следует прицелился, и в следующую секунду грохнул взрыв.

Максим сам не понял, как оказался за стеной. Рядом присел, зажав уши, Серый. Симка успела влететь в убежище раньше всех. Остальные, матерясь, поднимались с пола, отброшенные взрывом и оглушенные, один комбез плавал без движения, надувшись пузырем в черной воде. Судя по габаритам, не Кот, большего пока Максим сказать не мог.

Сестру трясло от страха, и казалось, испугалась она вовсе не взрыва, продолжала смотреть в сторону расчищенного коридора и пыталась что-то сказать. Но не успела. Из образовавшегося пролома донесся громкий плеск воды, но очереди сталкеров ушли в темноту, рикошета от стен. Неведомо откуда взявшаяся пищащая масса крыс неслась по полу, размахивая хвостами, перепрыгивая друг друга, стараясь только побыстрее оказаться впереди и не отставать.

Чуть пришибленный Кот потянулся к рюкзаку за новым зарядом, Серый вцепился в оглушенного сталкера, вытаскивая его из воды, выдергивая с пути этой вдруг нахлынувшей живой и верещащей волны.

Максим стряхивал с себя крыс, отбрасывал подальше, не тратя патронов, все равно ТТ не помощник, Серафима не боялась мокрых зверьков и тоже расшвыривала ногами, пока те не успели вцепиться в комбинезон. Слух, едва восстановившийся после взрыва, уловил потрескивание... Потом где-то неподалеку загудела земля, сильный удар заставил воду будто вскипеть, по полу плеснуло небольшим цунами, доставая людям до пояса, но не остановило крысиное бегство.

– Куда это они? – огляделся Максим, потеряв из поля зрения померещившийся хрономираж и так и не замеченного им какого-то мутанта.

– Не куда – откуда! – Симка тоже вертела головой по сторонам. Но ни впереди, ни позади ей не виделось ничего хорошего. Рожденная под землей, она знала, что крысы первыми чувствуют опасность. И умеют спастись намного лучше людей, которые еще о чем-то думают и пытаются понять! Радуга растворялась в воде, как разлитый бензин, но не уходила окончательно. И вслед за ней что-то приближалось из глубины коридора.

– Куда?! – крикнул им Серый.

Он успел увидеть только несущихся наперегонки с хвостатым потоком брата и сестру, Максим на миг оглянулся и выключил свой фонарь, чтобы не подстрелили, прицелившись на

свет. Сталкер рванул было за ними, когда из глубины темного коридора по ушам даже сквозь резину противогаза ударил низкий утробный рев. Отраженные на мокрых стенах блики желтого света старых фонарей окрасились в разные цвета, а из мрака впереди, тяжело шагая, выплывала невероятно огромная тень... Кот, не долго думая, оборвал шнур покороче и швырнул вперед весь рюкзак с подожженным фитилем. Гром пронесся по галереям, осыпая на пол последние звенящие осколки, пыльными облаками взрыва взметнувшись во все стороны, будто выдохнув и снова засыпая надолго.

Волна плотного воздуха тугой дубиной ударила в спину, сбивая с ног, Максим сразу вскочил и поднял сестру. Они бежали по извивающемуся коридору, а пол непрерывно дрожал под ногами, с потолка сплошными пластами осыпалась штукатурка. Поблизости что-то трещало, стонало умирающим зверем, пол с грохотом подпрыгнул, и повисла тишина. Голубоватый свет луны проник в подземелье, когда на нижний этаж обвалилась половина подземного перехода.

– Метро?

– Нет еще, но мы близко, теперь дойдем, – Максим выбрался наверх. И застыл: над темным зубчатым контуром стены сияла ярко-алым кремлевская звезда.

Серафима уже отчаялась что-то понять! В переливчатом тумане сталкеры и брат видели живых существ, теперь Максим уставился на старые развалины и остановился, как замороженный. На поверхности было очень холодно, пронизывающий ветер заледенил мокрый ОЗК, комбез даже начинал хрустеть, как бумага.

– Пойдем, Макс, ты же говорил – Полис. Библиотека... Макс!

Брат почему-то шел в другую сторону. Шагал неуверенно, совсем не так, как всегда, прямо к темным древним стенам, будто и в самом деле собрался искать этот проклятый подземный ход! Симка в несколько прыжков догнала его, но поскользнулась и растянулась на льду, хоть и успела ухватиться за ногу Максима и повиснуть на ней всем весом. Он и не заметил... Тасил за собой, как прилипшую к ботинку тряпку! От удивления даже руки разжались. А брат шел вперед, чужой, далекий...

– Да у вас тут совсем крыша поехала! – девочка завизжала, удаляющаяся спина Макса расплылась перед глазами, горячие слезы щипали кожу под холодной резиной противогаза.

И нащупав на земле камень, достаточно круглый, чтобы не поранить, но увесистый, налетела сзади и повисла на плечах брата, безжалостно ударив его по голове. От неожиданного рывка он упал вперед и не двигался. Симка испуганно прижала ладошки к фильтру противогаза: неужели убила?! Потом начала трясти тяжелое, едва шевелящееся тело.

Максим пришел в себя, башка трещала, как после попойки. Он лежал на мокром холодном снегу, где-то наверху светила такая же холодная луна, невидимая, но только она могла, как прожектором, выхватить из темноты провалившиеся стены Манежа и знакомый портик с колоннами за ним. Библиотека.

– Вставай, сволочь! – сестренка зачем-то лупила его руками по морде и орала на всю площадь, рискуя привлечь какого-нибудь хищника.

– Да сейчас, отстань! И замолчи. Хочешь, чтобы этот наружу вылез, если тебя услышит? Серафима умолкла, только вглядывалась ему в глаза.

– Пойдем отсюда, быстрее, Макс! – ей было отчего-то очень страшно. Даже под землей так не тряслась. И плакала она, что ли?

Максим осмотрелся, частью провалившийся под улицу переход и расколовшийся широкой трещиной до самой Моховой асфальт еще будто дымились, на самом деле это оседала пыль, выброшенная вверх из глубин торгового центра.

Уцелел ли отряд сталкеров? Максиму было плевать, своих забот хватало. Взяв за руку притихшую сестру, он спустился по обломкам, отсвечивать наверху в лунную ночь ни к чему, а все, что требовалось, он уже разглядел. Стараясь не шуршать и не осыпать ногами каменную

крошку, они пробирались к домам и Библиотеке, провал асфальта вывел за угол, там уже было достаточно темно, на случай если кто-то или что-то наблюдает. Но и сам Максим уже не так ясно видел, куда идет.

После непроглядной тьмы подземелий наверху показалось светло, как днем. И... что же ему еще показалось? Какие-то смутные образы всплывали в памяти, темная стена и красные звезды... Он оглянулся, но вплотную к довольно высоким развалинам Манежа не разглядеть, что за ним скрывается. Серафима осторожно ступала по сырому вязкому снегу, которого не видела еще ни разу в жизни. В ее детстве не было игры в снежки. Максим вздохнул: не время сейчас рассказывать об этом. Сестра остановилась на краю тени Манежа, как зверек, который осторожно принюхивается. И указала рукой в сторону.

Библиотеку не зря прозвали Великой, и не только за ее громадные книгохранилища: в самом облике сооружения с колоннами и немного побитым портиком проглядывало что-то такое... Что другого заставило бы упасть на колени перед этим храмом и вознести молитвы. За одно то, что уцелел в день гнева Божьего хотя бы. Максим скользнул взглядом по привычному и, в то же время, измененному почти до неузнаваемости зданию и попытался рассмотреть, что уже давно заметила сестра. Сначала показалось, что это крысы из подземных коридоров нашли выход наверх и скачут по снегу. Потом понял, что тварюшки немного побольше размером, не мечутся в панике и не осматриваются, как беженцы, подобно людям, за ними наблюдающим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.